

ОТ СОЗДАТЕЛЯ СЕРИАЛОВ «СЫНЫ АНАРХИИ» И «ДЕДВУД»

КЕМ НАНН

ДОКТОР ШАНС

По книге
снят одноименный
телесериал
с **Хью Лори**
в главной роли

М А С Т Е Р А

Т Р И Л Л Е Р А

Мастера триллера

Кем Нанн
Доктор Шанс

«АСТ»

2014

УДК 821.111
ББК 84(7 Сое)

Нанн К.

Доктор Шанс / К. Нанн — «АСТ», 2014 — (Мастера триллера)

ISBN 978-5-17-097987-5

Доктор Элдон Шанс — психоневролог, он проводит психиатрическое освидетельствование подозреваемых при уголовных и судебных расследованиях. Его тщательно выстроенная жизнь начинает трещать по швам: жена после 15 лет брака подает на развод, вдобавок Шансу грозит банкротство. Из-за разочарования в жизни, профессии и собственных принципах Шанс решает лично помочь одной из своих пациенток, Жаклин Блэкстоун, но вскоре понимает, что стал пешкой в чужой игре, а прошлое Жаклин скрывает немало тайн. Шанс начинает собственное расследование и сталкивается с миром, где властвует жестокость, где никому нельзя верить, и психопатия — далеко не самое страшное, что может случиться. Привычные рациональные доводы обманывают, профессиональные знания не помогают, и впервые столкнувшись с настоящим безумием за пределами безопасного кабинета, доктор Шанс осознает, что терять уже нечего, а из бездны можно выбраться, только отринув правила и пустившись во все тяжкие...

УДК 821.111
ББК 84(7 Сое)

ISBN 978-5-17-097987-5

© Нанн К., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Доктор Шанс	6
Шанс и лето любви	6
Гарнитур Принца	11
Жаклин	16
Ди	23
Сдуревший от любви	28
Консультация	34
Интервент	40
Джолли	43
Чек и замерзшее озеро	48
В ресторане «Тайская хижина»	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кем Нанн

Доктор Шанс

© 2014 by Kem Nunn Stories, Inc.

© Ольга Кидвати, 2016, перевод

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Блестящий и умный психологический триллер.

Publishers Weekly

Эту книгу можно считать настоящим шедевром криминальной прозы, но под детективным сюжетом таится психологическая аллегория о настоящей войне между идом, эго и суперэго.

The Arizona Republic

Напряженный и жесткий триллер демонстрирует мастерство психологического наблюдения и понимания.

«Доктор Шанс» – это увлекательная современная криминальная проза, непревзойденная по своей силе и глубине.

Роберт Стоун,

автор романов «Псы войны» и «В зеркалах»

Доктор Шанс

Ульрике, моей единственной Ули

Шанс – отсутствие причины любого разворачивающегося события, которую можно предсказать, осознать или проконтролировать. Иногда этому понятию приписывают активное действие, напр.: **Шанс** правит всем.

Шанс и лето любви

Вначале, до того как стало ясно, насколько горькой, разорительной и прямо-таки подлой штукой окажется развод, Шанс подумывал найти жилье в Пресидо или где-то неподалеку, возможно маленький домик с видом на океан и чтобы кругом секвойи и кедры. Эта фантазия протянула недолго. Хорошие дома стоили дорого, приобрести их было нелегко, и вообще в городе не осталось ничего дешевого: бывшее Лето Любви ¹ давно миновало.

В результате он поселился в самом конце бульвара Сансет, в скромной двухкомнатной квартирке с гаражом в цокольном этаже, который делил с соседями. Из окон порой мельком видел Тихий океан. Улицы здесь шли слегка под уклон, спускаясь к берегу, однообразно ровные, лишенные деревьев, окаймленные длинными рядами ярко оштукатуренных и деревянных зданий. В солнечные дни все вокруг пронизывал свет, Шансу он постоянно напоминал аризонские пустыни, а веселенькие пастельные тона выцветали на глазах, лишаясь хоть какого-то различия. Когда же над городом стоял туман, район словно линял, и бетон тротуаров, асфальт улиц и бледное, сизо-серое небо сливались друг с другом. Напрашивалась аналогия с его собственной жизнью, но даже сам Шанс понимал, насколько она скучна.

Ему казалось, что все вокруг приходит в упадок, а тут еще попало удивительно неприятное дело. Несложное. Никаких правовых или медицинских загадок – лишь голые факты, которые Шанс суммировал следующим образом:

На момент моего освидетельствования Мариэллы Франко прошло 34 месяца после ДТП с лобовым столкновением, где при ужасных обстоятельствах погиб ее шестидесятивосьмилетний отец. Пытаясь не сбить дойную корову, которая решила побродить по шоссе, он выехал на встречную полосу, столкнулся с автофургоном и был обезглавлен. Голова отлетела на заднее сиденье. Пока Мариэллу не освободили из машины при помощи аварийно-спасательных инструментов, она была заперта там, как в ловушке, рядом с телом отца. Она помнит, как, сидя в салоне, раз за разом кричала: «Папа!»

Прибывшие врачи скорой помощи оценили ее состояние на 15 баллов по шкале комы Глазго ². Ее основная жалоба звучала так: «Папа... я хочу к папе!» Ей внутривенно ввели раствор фентонила и в машине скорой помощи перевезли к вертолету ГалСтар ³, который доставил ее в Стэнфорд. По прибытии пострадавшая продолжала плакать и проситься к отцу. Никаких переломов или повреждений внутренних органов у нее не обнаружили. Медики

---

¹ Речь идет о пике движения хиппи, пришедшемся на лето 1967 года (здесь и далее прим. пер.).

² Тест для оценки степени нарушения сознания. 15 баллов говорят о том, что пациент пребывает в ясном сознании.

³ Некоммерческая медицинская авиакомпания, обслуживающая Калифорнию и Северную Неваду.

наблюдали за ее состоянием в течение ночи, а потом отправили домой под наблюдение лечащего врача.

Психиатрическое освидетельствование, проведенное спустя месяц, выявило повышенную тревожность, депрессию, реакцию вздрагивания, приступы тахикардии, учащенного дыхания и потливости вместе с навязчивыми мыслями об отце. Отмечалось, что пациентка три месяца не ходила на работу и пыталась отвлечься смотря телевизор. Ее социальная жизнь свелась к минимуму, больная полностью замкнулась в себе и избегала людей. Описывая свое состояние, она говорила о преобладающем ощущении безысходности и отсутствии мотивации. Мисс Франко было диагностировано хроническое посттравматическое стрессовое расстройство и депрессия, рекомендован курс психотерапии в сочетании с приемом антидепрессантов.

К несчастью, мисс Франко не получила ни психотерапии, ни медикаментозного лечения и на момент моего освидетельствования оставалась в состоянии повышенной тревожности и депрессии. Она всячески старалась избегать любых мыслей, образов и чувств, которые могли привести к воспоминаниям о происшествии. Я согласен с тем, что мисс Франко страдает от хронического посттравматического стрессового расстройства. Она попала в ситуацию, представляющую угрозу для жизни, думала, что умрет, видела смерть отца и оказалась запертой в автомобиле с его телом. Фотографии, которые мне показали, говорят сами за себя. К сожалению, вторичный психиатрический осмотр состоялся только через два с лишним года после происшествия. Вполне понятно желание пациентки избежать общения с врачами, работающими в области психического здоровья, но именно на это следовало обратить внимание соответствующим специалистам.

*Элдон Дж. Шанс, доктор медицины,
клинический адъюнкт-профессор
кафедры психиатрии
медицинского факультета
Калифорнийского университета Сан-Франциско*

Отчет можно было продолжить, но суть он уже изложил. Его наняла страховая компания для оценки характера и тяжести психологической травмы. Шанс был судебным психоневрологом и проводил большую часть жизни объясняя суду или адвокатам хитросплетения сложных неврологических заболеваний, связанных с различными делами, будь то нанесение телесных повреждений, ненадлежащее обращение с пожилыми людьми или злоупотребление властью. Иногда к нему обращались другие врачи, иногда – члены семьи или наследники. Не о такой практике он когда-то мечтал, но уж, что было, то было. Он осматривал больных не больше одного или двух раз, а их лечением занимался и того реже.

Так же было и с Мариэллой Франко. Он видел ее лишь однажды, во время освидетельствования. Понятия не имел, что с ней потом стало, чем завершилось ее дело, получила ли она рекомендованную терапию. Не знал и причину, по которой именно ее история застряла в голове, – ведь она была далеко не единственным пациентом, которого он осмотрел этим летом. Тогда ему запомнилось множество самых разных дел.

Дж. К., белая женщина, 36 лет, правша, с долгой и сложной историей болезни. Родилась недоношенной в результате попытки аборта на седьмом месяце беременности, страдает легкой формой умственной отсталости,

возникшей в результате кислородного голодания при преждевременных родах. Пациентка призналась в длительном сожигательстве с собственным отцом. После семи выкидышей родила сына со множеством врожденных аномалий.

М. Дж., чернокожая женщина, 42 года, правша, несколько лет обучалась в колледже. Пациентка рассказывает, что в возрасте тридцати шести лет работала в книжном магазине и, возвращаясь с работы домой в Мишен Дистрикт ⁴, подверглась нападению латиноамериканца, рост которого был выше шести футов, а вес – более двухсот фунтов. Она сохранила лишь частичные воспоминания об инциденте, но помнит, что пыталась убежать, а нападавший несколько раз ударил ее головой о пожарный гидрант. М. Дж. утверждает, что весь следующий год была крайне подавлена и провела двенадцать месяцев не выходя из дома, смотрела телевизор и пила. В это же время она приобрела пистолет и, когда приходила в отчаяние и ярость, начинала стрелять из него. Со слов пациентки, ее ближайшим другом был ручной кролик, который приходил и клал ей лапку на руку, чтобы утешить. В настоящее время М. Дж. проживает в Сан-Франциско в низкобюджетном приюте для бездомных душевнобольных.

Л. С., женщина, 46 лет, выросла со склонной к насилию матерью-алкоголичкой. Так и не узнала, кто был ее отцом. Л. С. прилагает всевозможные усилия, чтобы представить себя в качестве человека с нарушением обучаемости. Утверждает, что, будучи ребенком, изучала все «задом наперед». Стремится читать в обратном направлении не только отдельные слова, но и целые страницы. Если пациентку вынуждают читать книгу от начала к концу, ей кажется, что история не имеет смысла, до тех пор, пока она не прочтет ее от конца к началу. Хотя основную часть времени Л. С. тратит на уход за своими ста четырьмя экзотическими птицами, ее второе увлечение – читать о психических заболеваниях и обучении людей с ограниченными возможностями. Настаивает на том, что, сколько себя помнит, всегда чувствовала подавленность, пустоту и сомнения в том, кто она такая.

Д. К., белый мужчина, 30 лет, правша, в прошлом работал в Сан-Хосе художником-графиком. Последние четыре года пребывает в статусе больного с посттравматическим синдромом: он шел пешком по оклендскому порту и был сбит грузовиком. В результате получил травму головы. Утверждает, что не замечает изменений в своей личности, но при этом осознает, что все остальные, включая его жену, говорят, что он полностью переменился. В свою очередь жена рассказывает об убежденности супруга в том, что ему суждено сыграть ведущую роль в битве между Сатаной, Яхве и Иисусом. Шесть месяцев назад пациент выпил целый ряд бытовых чистящих средств, в том числе «Гексол» и «Клорокс», так как верил, что тело надо подготовить к грядущей битве.

Однако именно Мариэлла Франко была с Шансом в первые тоскливые дни необычайно жаркого и раннего лета, пока он искал жилье в Городе у залива ⁵, листал бумаги от адвокатов противоположной стороны, осматривал пациентов, писал отчеты, наблюдал, как тают, подобно

---

⁴ Mission District – район Сан-Франциско.

⁵ Одно из прозвищ Сан-Франциско.

запоздалому снегу, его деньги, исчезая куда быстрее, чем они когда-либо прибывали, видел, как жизнь, которую он так старательно обустроивал для себя, своей жены и дочери, разбилась вдребезги о скалы едва представимой прежде реальности.

Его жена, уже переходившая в категорию бывших, начинающий фотограф, сама себя обеспечить не могла. Продажей своих работ не покрывала даже аренду студии. Ее любовник, которым она обзавелась так недавно, дислексичный персональный тренер на десять лет моложе нее, работал в тренажерном зале в Саусалито всего на полставки, и особой финансовой поддержки от него ждать не приходилось. Адвокат жены уже получил судебное предписание. Шансу предстояло заплатить обоим юристам: и своему и ее. Дом пойдет на продажу в самое неподходящее для этого время. Так что любимая дочерью частная школа с ее монтерейскими соснами и видом на залив день ото дня становилась все менее вероятной в будущем. Государственные же школы поблизости от их нынешнего дома были ожившим кошмарным сном.

Что касается мисс Франко в это время засухи и пепла – в последнее время небеса периодически затягивали дым и сажа из-за пожаров, возникших в результате аварии на нефтеперерабатывающем заводе в Ричмонде, в восточной части побережья ситуация осложнялась из-за жаркой погоды и сухих ветров, – то она жила со своей восьмидесятидевятилетней бабушкой в многоквартирном доме на южной окраине Пало-Альто. Во время освидетельствования Шанс вдруг спросил, как бабушка отреагировала на смерть единственного сына. Мариэлла сказала, что та очень расстроилась. Сказала, что бабушка каждый день принимает лекарства, но не припомнила, какие. Она не знала, подвержена ли старушка повторяющимся ночным кошмарам или навязчивым воспоминаниям о событии, унесшем жизнь их отца и сына.

Как ни странно, но человеком, которого преследовали сны и воспоминания, был сам Шанс. Это к нему приходили навязчивые кошмары с ожившими фотографиями, на которые его попросили посмотреть, и те ассоциировались с образом этой застенчивой и слабой девушки, что во сне превращалась в безъязыкую статую, столь одинокую в эти темные часы. Потом Шанс мысленно воображал, как она стоит в собственной квартире в Пало-Альто, одна посреди несомненно банальной обстановки, как пытается «отвлечься, смотря телевизор». «Интересно, что она смотрит?.. – гадал он. Можно ли найти в телепрограмме хоть что-то, от чего не захочется выдавить себе глаза? Воображение рисовало короля Лира и „неприкрашенного человека“»⁶. У настоящего Иова⁷ был хотя бы Бог, явившийся ему в вихре. У Мариэллы – только полицейские сериалы, вампирские истории да еще новости. В памяти брезжило, что она работала на полную ставку в Сан-Хосе упаковщицей картофельных чипсов «Грэнни Гус», и до несчастного случая в сферу ее интересов входило рисование карандашом и красками, а еще – коллекционирование миниатюрных фигурок лягушек.

А потом пришла ночь, когда он, ужасно одинокий в своей новой квартире с еще толком не распакованными чемоданами, зашел так далеко, что вообразил, как проводит за рулем сорок пять минут, которых хватит для того, чтобы до нее добраться. Она не была непривлекательной. Вот как он описывал ее в своем рапорте:

Миниатюрная женщина 39 лет, итальянского происхождения, с черными волосами, собранными сзади в тугий пучок. У нее правильные, почти классические черты лица и большие карие глаза. Ухоженные руки, маникюр, но лак для ногтей отсутствует. Носит кожаное пальто поверх

---

⁶ Лир. Лучше было бы тебе лежать в могиле, чем подставлять свое голое тело под удары непогоды. Неужели вот это, собственно, и есть человек? Присмотритесь к нему. На нем все свое, ничего чужого. Ни шелка от шелковичного червя, ни воловьей кожи, ни овечьей шерсти, ни душистой струи от мускусной кошки! Все мы с вами поддельные, а он – настоящий. Неприкрашенный человек – и есть именно это бедное, голое двуногое животное, и больше ничего («Король Лир», акт 3, сцена 4, У. Шекспир, пер. Б. Пастернака).

⁷ Библейский персонаж, стойко переносивший многочисленные несчастья.

светло-коричневого костюма в тонкую полоску и коричневые кожаные сапожки на высоком каблуке. Манера держаться, хоть и производит в целом приятное впечатление, отличается полным отсутствием непосредственности. Освидетельствование выглядело как серия вопросов и немногословных ответов.

Тогда он подумал, но не записал, что от множества прочих людей ее отличает то, что она живет как птица в клетке, словно бы и живет и не живет. И тот же самый ужас не-жизни в жизни Шанс увидел в собственном упадочном состоянии, когда каждый следующий день грозил стать тусклее, чем предыдущий.

Он придерживался убеждения (возможно, ложного), что в жизни человека бывают периоды, длящиеся буквально мгновения, когда верное слово, или движение, или одно-единственное прикосновение может ранить либо исцелить. Именно для этого он в своих фантазиях садился за руль. Не ради каких-то завоеваний на сексуальном поприще. Он мог так же легко заручиться помощью кого-то другого, если появился бы этот кто-то другой. Его воображению рисовалось *освобождение*, то, как сердце вырывается из запертой клетки. Конечно, он был благоразумным. Видел все таким, как оно есть, полубезумные донкихотские поступки лучше совершать в помыслах, а не наяву, потому что... потому что, в конце концов, жизнь именно такова. Отражение в мутном стекле. Шанс жил как бы наполовину. Не будет никаких поездок и никаких вмешательств. Мироустройство их не допустит. Вместо них Шанс разрешил себе выпить лишний стаканчик вина. Но, господи, подумал он через мгновение, снова наливая и воображая ради одного только воображения собственное внезапное появление на ее пороге, что она *подумает*? И слышал ее крики, от которых ночь превратилась в кошмар.

Он задремал, вспоминая Блейка:

В час вечерний, в час дневной
Люди входят в мир земной.
Кто рожден для горькой доли,
Кто для радости одной;
Кто для радости беспечной,
Кто для ночи бесконечной...⁸

Проснулся чуть позже, стояла крошечная тьма, сквозь стены комнаты проникал шум волн с Оушен-бич. Поднявшись, Шанс увидел в окошке уборной странное оранжевое свечение на востоке и счел его очередным подтверждением того, что на нефтеперерабатывающем заводе в горах над Ричмондом продолжает свирепствовать пожар.

---

⁸ Перевод Марии Паскаловой.

Гарнитур Принца

Мебель в стиле «французского ар-деко» относилась к концу тридцатых годов и была работой известного дизайнера Эжена Принца. Гарнитур состоял из письменного стола, книжной полки и двух кресел. Все это было сделано из пальмового дерева и меди, покрытой патиной, стоило немало денег. Сумма была бы еще больше, но на одной из полок и столе не хватало медных полос, тянувшихся по нижнему краю. В таком состоянии Шанс мебель и купил, ну и заплатил соответственно. Но все равно гарнитур был прекрасный, шикарно смотрелся в большом доме, где они жили вместе с женой и дочерью. Теперь, в небольшой квартирке, эти вещи выглядели мрачно и неуместно, чтобы не сказать нелепо. Со временем гарнитур стал раздражать Шанса, и он начал подумывать о том, чтобы продать его. Ниже по Маркет-стрит располагался магазин специализировавшегося на такого рода товаре чернокожего джентльмена лет семидесяти (или чуть больше). Шанс не мог припомнить его фамилии, но знал, где находится сам салон, до которого можно было пешком дойти от офиса, и решил в ближайшее время заглянуть туда. Возможность представилась на неделе, когда клиент отменил встречу как раз перед обедом, и Шанс отправился в магазин.

В общем, ему всегда нравилось гулять по городу. Но в тот день Шанс не мог отделаться от ощущения, что ему показывают его будущее. Оно было незначительнее, чем хотелось надеяться. Пламя над Ист-бей⁹ потухло, но всю область залива по-прежнему покрывала сажа. Все автомобили стали одного цвета. Пепел толстым слоем скапливался по всем углам, напоминая наносы грязного снега. По тротуару прошли три молодые азиатки, на вид студентки колледжа, и на каждой была хирургическая маска. Вот так все и будет, подумал Шанс, проходя мимо них. Поначалу вот так, а потом еще хуже.

В какой-то момент эвакуации с холмов Ист-бей машины настолько плотно забили узкие улочки, что пожарные призвали паникующих жителей оставить автомобили и уходить пешком. Ричмондский пожар с угрожающей скоростью двинулся на восток и юг. Беркли-Хилл внезапно охватило пламя, в ночном небе полыхал дождь искр. Горожане не подчинились приказу, предпочитая таранить горящие машины друг друга. Университетские профессора и экономисты, стартаперы и хакеры (или как там они себя называют), писатели и художники, академики и доктора Беркли-Хилл... все они толкались в черном дыму, как обезумевшие насекомые, как, прости господи, червяки какие-то. Шанс видел все это по телевизору, когда в относительной безопасности своей квартиры смотрел ночной выпуск новостей. Как же быть, сохранить гарнитур или продать? Чего стоит его шикарная французская мебель, когда поблизости кружит все больше падальщиков?

Проникнувшись апокалиптическим пафосом, с потным лбом и горящими легкими, он добрался до нужного дома, старого, еще довоенного кирпичного здания, расположенного в узком аккуратненьком переулке неподалеку от Маркет-стрит. Войдя, Шанс немедленно услышал мужской голос, полный вдохновенной ярости, бодрый фальцет:

– Так ты его сучка, да? Вот как оно, значит?

Голос оборвался, когда от парадной двери донесся звон дверного колокольчика, и Шанс тут же разглядел владельца как магазина, так и голоса, обращавшегося к молодому человеку, по всей видимости, латиноамериканского происхождения в черной облегающей футболке, черных же облегающих кожаных джинсах и узконосых черных кожаных сапожках чуть выше

---

⁹ Восточная часть залива Сан-Франциско вместе с расположенными на ее побережье населенными пунктами.

психолог. Пожилой мужчина был в точности таким, как помнилось Шансу: ростом куда выше шести футов, отчаянно худым и отчетливо гомосексуальным. Он даже одет был именно так, как в прошлый раз: пиджак спортивного покроя, аскотский галстук и множество побрякушек. Пожалуй, он был старше, чем Шанс думал, – ближе к восьмидесяти годам, чем к семидесяти. Дядька таких лет, черный, гей? Шанс мог вообразить сколько тот повидал на своем веку.

Тут старик прервал его пустопорожние размышления.

– Молодой человек, – произнес он, обращаясь к Шансу и поворачиваясь спиной к другому мужчине, будто тот внезапно перестал существовать; голос антиквара звучал уже не пронзительно, но приятно, взлетая к самому потолку и разносясь по комнате: – Как поживает гарнитур Принца?

– Господи, вы помните!

– Конечно. Дайте-ка подумать. Там был письменный стол и кресло. – Он помолчал. – И шкафчик!

– Книжная полка и два кресла, но все равно неплохо. Когда я тут был? Два... три года назад?

Руки старика дрожали в приглушенном свете.

– Да кто это помнит? Но там ведь чего-то недоставало...

– Кое-каких медных пластин.

– Ах да. Жаль, очень жаль.

Пока Шанс беседовал со стариком, кожаный парнишка отошел, исчезнув в одном из укромных уголков старого дома. После первого посещения салона у Шанса осталось ощущение затхлой пещеры. Тогда он только переехал в район и все тут исследовал. Определенно, подумал он, где-то здесь в полумраке в ожидании лучших времен пылятся настоящие сокровища.

– Уверен, вы мне тогда представились, – сказал Шанс и протянул руку.

– Карл, – ответил старик. Они обменялись рукопожатиями. – А вы... вы ведь врач, насколько я помню.

– Психоневролог. Элдон Шанс.

Старик рассмеялся:

– Ну конечно же, доктор Шанс. Как можно забыть? Я помню мебель, но имена выпадают. Чем обязан такой честью. – И он продолжил, не дожидаясь ответа: – Я недавно приобрел шкафчик, который подошел бы...

Шанс поднял руки:

– Я бы рад, но сейчас подумываю продать то, что у меня есть.

Карл поднял брови.

– Я развожусь, – пояснил Шанс. Он пока еще не привык говорить об этом вслух. – Дом выставлен на продажу. А я живу в квартире.

– Больше ничего объяснять не нужно, – сказал ему Карл. – Печально такое слышать. Мне очень, очень жаль.

– Мне тоже. – Шанс сфотографировал мебель и скинул изображения на ноутбук, который лежал теперь в парусиновой сумке на плече. – Я принес фотографии.

Карл отвел его к большому столу, и они принялись рассматривать снимки. Старик детально изучил их.

– Прекрасно, – сказал он. – Из-за размеров этот стол довольно необычен. Замечательная вещь, как и весь гарнитур. Сколько вы надеетесь за него получить?

– Я надеялся, что вы мне это подскажете.

Старик еще мгновение вглядывался в фотографии.

– Без этих металлических пластин... пятьдесят, может, шестьдесят тысяч.

– А с ними? Просто чтоб я окончательно расстроился.

– В два раза больше.

– Боже, всего лишь из-за пары кусков меди?

– В этом и заключается разница между обычным покупателем, который просто ищет себе мебель, которая хорошо смотрелась бы вместе, и серьезным коллекционером. Вы знаете, как этот гарнитур выглядел изначально?

– Я видел фотографии в книгах.

– Тогда знаете. Полосы играли большую роль, и это травление кислотой, получилось весьма мило... Вот тут, на полке, у вас одна осталась, – он указал на одну из фотографий.

Шанс кивнул:

– Да, я знаю. Думаю, если взглянуть с этой стороны... если бы гарнитур был в полном порядке, я не смог бы приобрести его за те деньги, за которые купил. Так что...

– Разница большая.

– И время сейчас плохое, скажу я вам. – Шанс днями напролет слушал о невзгодах других людей. О своих он говорил редко, особенно в последнее время, в отсутствие жены, семьи и даже, если подумать, близкого друга. – И вообразить не мог, что когда-нибудь захочу все это продать, – сказал он, поддавшись ощущению, что Карл, по сути, из тех, кому можно рассказать о своих бедах. – Я всегда думал, что однажды приду в магазин вроде вашего, пороюсь в барахле и увижу как на шкафу или еще где-нибудь пылится целая куча медных полосок. – Шанс улыбнулся и пожал плечами. – Как мы поступим? Если я соглашусь на шестьдесят?

Карл подергал себя за короткую эспаньолку, практически совсем седую и аккуратно подстриженную. Прошло мгновение.

– Позвольте кое-что вам показать, – сказал он.

Они оставили компьютер Шанса на столе и направились в заднюю часть магазина. Там в стене было вырезано отверстие и устроено окошко с небольшой стойкой. По другую его сторону находилось нечто вроде мастерской, правда, окошко было слишком маленьким, разглядеть Шанс ничего не сумел. Рядом стоял комод, о котором уже говорил Карл. Вещь оказалась действительно замечательной, тоже из пальмового дерева и с медной отделкой.

– Красиво, – сказал Шанс.

Старик кивнул:

– Медные детали *не совсем* такие, как должны быть у вас, но не слишком отличаются. *И*, раз уж ваши пропали. – Он сделал паузу. – Скажем так, я о вас думал. Довольно странно, что вы заглянули ко мне именно сейчас.

– Да, но я же пришел продавать, а не покупать. – Шанс снова взглянул на комод. – Наверно, это даже тогда было бы мне не по карману.

– О, это не оригинал, – проговорил Карл, едва дав ему закончить.

Шанс лишь смотрел на него.

– Когда я нашел его, он был в очень плохом состоянии. Меди не было вовсе. И это даже не Принц, мало того, – даже подписи Принца нет. Но я вижу тут определенные возможности.

Шанс внимательно изучил металлические полосы.

– Я как-то искал детали для моего гарнитура. Среди образцов не было ничего подобного тому, что я видел на фотографиях. И ничего подобного этому. – Он посмотрел на старика.

– Все дело в технологиях, – сказал ему Карл. – Начнем с того, что для изготовления модели раньше использовали натуральную губку, а теперь никто так не делает. И материалы были другие, кислоты, красители... В общем, та технология утрачена. Отчасти поэтому стоимость оригиналов так высока.

Шанс еще раз посмотрел на шкафчик, провел рукой по медной накладке:

– Так, а с этим что? Вы знаете, кто их сделал?

Старик улыбнулся, подошел к маленькому оконцу и позвал какого-то Ди. Неясно было, то ли это имя целиком, то ли сокращение, а старик ничего пояснять не стал. Через минуту-другую с противоположной стороны отверстия возник очень крупный мужчина, вернее даже сказать, мужчина, при создании которого за примерный образец был взят холодильный шкаф. Опершись здоровенной ручищей о стойку, он потянулся вперед, чтобы выглянуть в окошко. В результате стало возможным сделать пару наблюдений, и оба касались его головы, большой и круглой, но вполне пропорциональной по отношению к покоящейся на стойке руке. Во-первых, у мужчины не было волос ни на лице, ни на своде черепа. Вообще. Шанс счел, что гигант страдает алопецией, чрезвычайно редким заболеванием, от которого выпадают все волосы на теле, причины которого до сих пор неясны. И хотя порой, в еще более редких случаях, волосы могут в какой-то момент появиться так же быстро и таинственно, как до того исчезли, состояние это обычно считается хроническим. Вторая вещь, которую замечал каждый при взгляде на Ди, потому что не заметить ее было просто невозможно, была татуировка черной вдовы – большого паука, наверно в полтора раза больше серебряного доллара, располагавшаяся точно посередине кожи, обтягивающей череп мужчины, в остальном лишенной каких-то отличительных черт.

Великан ничего не говорил, лишь смотрел в оконце темными безжизненными глазами, переводя взгляд с Шанса на Карла и обратно. Из-за соотношения между его размерами и размерами окна Шансу показалось, что он смотрит на зверя в клетке.

– Выйди к нам, – сказал Карл, тщательно, как показалось Шансу, стараясь демонстрировать откровенную жизнерадостность.

Дверь открылась, и появился Ди. Судя по виду, он весил больше трехсот фунтов, хоть ростом оказался лишь немного выше Шанса (тот был пять футов девять дюймов ростом, но при этом худой, как рельс). Ди был одет в военную куртку цвета хаки и военные же штаны в стиле карго, основательно заляпанные всевозможными красителями и морилками выше столь же перепачканных полевых ботинок, шнурки которых, как заметил Шанс, он не удосужился завязать. Под курткой виднелась черная футболка с какими-то красными надписями на груди, разобрать которые Шанс не смог. На рукаве бросалась в глаза нашивка «РЕЙНДЖЕРЫ»¹⁰. Из-за размеров и отсутствия растительности на голове и лице судить о возрасте верзилы было сложно. Шанс склонялся к тому, что ему около тридцати с чем-то лет. Он выглядел, мягко говоря, необычно, но ни в коем случае не безобразно или отталкивающе. Фактически, черты его лица над мощной нижней челюстью и толстой шеей казались почти красивыми, правильными и только что не классическими, и всего через пару секунд после того, как наблюдатель замечал габариты и отсутствие волос, он не мог уже вообразить или хотя бы пожелать, чтобы этот человек выглядел как-то иначе, чем в реальности, исключая, может быть, татуировку: этакий загорелый мистер Пропер, только одетый в черное.

Карл познакомил их, и Ди слегка улыбнулся, услышав фамилию Шанса.

– Доктор Шанс, – повторил он.

– Да, так меня и зовут.

Ди посмотрел на старика:

– У умных людей мысли сходятся, да?

На секунду-другую повисла тишина.

– Док принес фотографии, – сказал Карл.

Они вернулись к столу и снимкам. Карл показал на медные полосы книжной полки.

– Выглядит знакомо?

Ди кивнул.

– И что ты об этом думаешь?

---

¹⁰ Элитные пехотные части армии США, осуществляющие диверсионные и разведывательные действия в тылу противника.

– Без вопросов. Только без спешки. – Ди еще раз посмотрел на Шанса, потом развернулся и вышел.

– Он неразговорчив, – сказал Карл.

– Что именно вы хотите мне сказать? – спросил Шанс. – Что Ди может сделать такие же накладки, как на оригинале?

– У него неплохо получается, – сказал Карл, – да вы и сами видели.

– Да, это так, но что дальше? Вы выставите гарнитур на продажу как оригинал?

Карл лишь смотрел на него.

– И что, нет способов... проверить...

Антиквар пожал плечами.

Шанс стоял в тускло освещенной большой комнате и пытался сформулировать следующий вопрос.

– И какова вероятность?..

– Мне помнится, что ваша мебель подписана.

Шанс кивнул.

– Обычно этого достаточно. Вы купили ее у дилера или у частного лица?

– У частного лица.

– И это лицо еще живо?

– Это была распродажа наследства. Какой-то парень продавал то, что осталось от матери.

Забыл, как его звали.

– Это плюс. Иначе, когда гарнитур всплыл бы позднее, дилер мог бы увидеть и опознать его, и тогда бы понеслось... в общем, неприятное вышло бы дело, – Карл помахал руками. – А частные лица – это хорошо.

– Значит...

Старик кивнул:

– Да, всегда есть шанс.

Двое мужчин переглянулись.

– Так как насчет моего предложения? – спросил Карл.

Шанс вышел так же, как и вошел, в дверь, ведущую на Маркет-стрит, прокручивая в голове возможности. После темноты салона солнечный свет показался ему слепящим. Повернув на север, в направлении своего офиса, Шанс заметил на противоположной стороне улицы парня в черном. Юнец в компании себе подобных курил что-то через стеклянную трубку. То ли крэк, то ли какой-то вариант метамфетамина. Парень посмотрел в сторону Шанса, а потом с видом, который иначе как заговорщицким не назовешь, склонился к своим друзьям, поэтому, идя по Маркет-стрит, Шанс был уверен, что все трое смотрят в его сторону, и отвел взгляд. Уже сворачивая в конце квартала за угол, он все-таки бросил на юнца последний взгляд и увидел, как тот переходит дорогу, возвращаясь к старику в магазин.

Жаклин

Жаклин Блэкстоун, 36 лет, амбидекстер ¹¹, проживает в Беркли. Окончила колледж, имеет диплом преподавателя. Работала учителем на замену в средних классах школы, относящейся к Оклендскому школьному округу, и репетитором по алгебре и геометрии.

Направлена на освидетельствование Стэнфордской неврологической клиникой в связи с жалобами на кратковременную потерю памяти и периодическое ослабление внимания. Миссис Блэкстоун сообщила, что в детстве и юности страдала сомнамбулизмом, часто оказывалась в странных местах, не помня, как и зачем она там очутилась. Недавние случаи потери памяти характеризует как «похожие» на эпизоды снохождения в прошлом. Полный комплекс лабораторных исследований (включая биохимический анализ крови, общий анализ крови с показателями функции щитовидной железы, уровня витамина В-12, скринингом на тяжелые металлы и сывороточный церулоплазмин) патологий не выявил. Показатели МРТ головного мозга в пределах нормы. Неврологическое обследование патологий не выявило, никаких органических причин для когнитивных нарушений не обнаружено.

Пациентка утверждает, что недавно обнаружила существование «второй личности», которую она называет «Джекки Блэк». С ее слов, Джекки – смелая экстравертная особа, появляющаяся в критических ситуациях. В частности, именно Джекки продолжает вести половую жизнь с проживающим отдельно мужем Жаклин, хотя сама Жаклин этого не одобряет. Миссис Блэкстоун заявляет, что ненавидит, когда ее зовут Джекки, и, кроме мужа, детектива убийного отдела полицейского департамента Окленда, никто к ней так не обращается. Пациентка утверждает также, что, хотя до появления Джекки Блэк она не замечала в себе никаких альтернативных личностей, у нее «бывали периоды», о которых не сохранилось никаких конкретных воспоминаний. Миссис Блэкстоун не склонна делать предположения, могут ли эти «провалы в памяти» также иметь отношение к другим личностям. Далее она заявила, что в какой-то момент приобрела пистолет с намерением покончить жизнь самоубийством, если ситуация станет невыносимой. По ее словам, впоследствии этот пистолет был продан в ломбард, находящийся в центре Окленда.

Дело казалось довольно простым. Очевидно, что проблемы с памятью миссис Блэкстоун были побочным эффектом психического отклонения, и их возникновение напрямую связано с тем, что она продолжает видеться со склонным к насилию мужем, от которого, предположительно, добивается развода. *«Раздвоение личности и множественная личность чаще всего возникают и развиваются в условиях физического, сексуального или психологического насилия, – написал Шанс. – Я считаю важным, чтобы этот отвергнутый аспект ее личности был рассмотрен и, в идеале, интегрирован в базовую личность. Однако до тех пор, пока пациентка продолжает отношения с человеком, которого одновременно презирает и боится, нет особых оснований полагать, что лежащая в основании ее проблем тревожность можно будет успешно излечить с помощью фармакологических методов».*

---

¹¹ Человек, одинаково владеющий обеими руками.

В качестве лечения он порекомендовал миссис Блэкстоун рассмотреть психотерапию. Также посоветовал ей работать с психотерапевтом-женщиной и предложил Дженис Сильвер из Ист-бей, которую считал действительно хорошим специалистом.

В большинстве случаев на этом все и закончилось бы, и ничто в этом деле не давало возможности предположить, что Жаклин Блэкстоун войдет в число тех пациентов, с которыми Шансу придется встретиться еще не раз. Или что она займет место Мариэллы в качестве объекта его навязчивых мыслей. Ей предстояло раствориться в серой массе потерянных, одиноких, неврастеничных и совершенно утративших рассудок, обезумевших от горя людей, день за днем во множестве проходивших перед его глазами. Но тут случилось две вещи.

Первой из них стала случайная встреча с Жаклин Блэкстоун на улицах Беркли. Абсолютно незапланированная, она произошла в новомодном маленьком торговом районе в северо-западной части города. Шанс все еще пытался понять, как быть с гарнитуром, предложением Карла и Большим Ди, выискивал в магазине «Искусство и архитектура» на Четвертой улице книгу о французской мебели ар-нуво, когда вдруг заметил в одном из проходов свою пациентку. Не прошло и двух месяцев с тех пор, как она побывала у него в кабинете, и он был поражен тем, как сильно она изменилась. Во время освидетельствования на ней был бесформенный свитер, надетый поверх старомодного голубого платья из набивной ткани, ее волосы были зачесаны назад, удерживаемые совершенно детскими белыми гребешками. Она выглядела на все свои тридцать шесть, несколько обабившейся и погрузневшей, подумалось тогда ему. А в магазине на ней были джинсы, и кроссовки, и кожаная куртка поверх желтой футболки, и она была какой угодно, только не обабившейся. Ее прическа тоже изменилась, уступив место более короткой модной стрижке. На самом деле, вначале она просто понравилась Шансу, и, только приглядевшись, он понял, кого видит. А поняв, почти сразу подумал, что, может, это вовсе не Жаклин, а Джекки; ему стало любопытно, заметит ли она его, а если заметит, то покажет ли хоть чем-то, что узнала, хотя и сама Жаклин могла решить не здороваться с ним, учитывая обстоятельства, при которых произошло их первоначальное знакомство. Поэтому Шанс немного удивился тому, что, когда их взгляды встретились, она почти без задержки одарила его довольно робкой улыбкой и слегка помахала рукой.

Они встретились в конце прохода. Оба держали в руках книги.

– Вы любите этот магазин? – спросила она.

– Люблю. А что *вы* читаете?

Она подняла небольшую книгу, на обложке которой были изображены два деревянных кресла.

– Мне нравится разбирать и переделывать старую мебель.

– Антикварную?

– Не-ет. Всякий хлам. – Она вытащила айфон, открыла фотографии и пролистала несколько, прежде чем нашла ту, что хотела ему показать: полдюжины деревянных стульев с прямыми спинками, окрашенными в веселенькие пастельные тона, и, мало того, походившие на уорхоловские портреты кинозвезд.

– Мадонна и Мэрилин, – сказала она ему. – Я называю их моими кумирными стульями.

– Они хороши, – сказал он. – Я серьезно.

– Да. – Она нашла еще два стула с изображениями собак. – Собак я тоже люблю.

– И я. У вас есть собака?

Она отвела взгляд:

– Была. Но ее не стало. – Улыбка на ее лице сменилась выражением искреннего горя.

– Мне жаль. Так грустно терять питомцев.

Она кивнула.

– У меня есть кот. – Женщина взглянула на книгу Шанса. – А что *вы* выбрали?

Он продемонстрировал книгу о французской мебели.

– Ну да, – протянула она. – Ваша покруче и подороже. Не зря же вы доктор. – Это был первый намек на то, почему они, собственно, стоят тут, беседуя.

– Да вот... У меня есть кое-какая мебель вроде этой, которую я подумываю продать.

– Тогда не раздумывайте слишком долго.

Он засмеялся и спросил:

– А почему?

Она пожала плечами:

– Не знаю. Мне кажется, это такой универсальный совет. Подходит к множеству ситуаций.

Кажется, она практически флиртовала с ним. Шанс даже задумался, не солгала ли она ему. Может, в ней живут не две личности, а больше. А еще ему нравилось с ней болтать, и он, сам того не замечая, направился с женщиной к кассе. Там он почувствовал, что теперь почему-то обязан купить книгу, которую держал в руках (хотя та стоила больше, чем он намеревался потратить), хотя бы просто для того, чтобы продлить удовольствие от мгновения.

Спустя несколько минут, уже на тротуаре перед магазином, на него впервые снизошло осознание абсурдности всего происходящего. Все двадцать лет брака он был верен жене, растил дочь, строил практику. Ни с кем не встречался, с тех пор как съехал из дома. И теперь вдруг стоит тут, как школьник, распаленный от присутствия привлекательной женщины, которая по случайному совпадению оказалась его пациенткой с, по крайней мере, одной альтернативной личностью, готовой на жесткий секс с бывшим супругом, судя по всему, опасным психопатом. Этого оказалось достаточно, чтобы на миг лишить его дара речи. Больше всего тревожило Шанса то, что при этом он пытался решить, не пригласить ли ее на чашечку кофе, так как почти напротив них через дорогу располагалась одна из роскошных маленьких кофеен Ист-бей. К счастью, она заговорила первая и тем самым, как он осознал позже, спасла его от бог знает каких ужасов.

– Хочу, чтоб вы знали: я хожу к терапевту, которого вы порекомендовали, – сказала она. – Это все изменило.

Заговорив, он уже снова был собой – врачом, который разговаривает с пациенткой во время случайной встречи в общественном месте.

– Очень рад это слышать, – сказал он. – И теперь вы лучше себя чувствуете. – Он мог бы добавить, что она выглядит теперь на миллион баксов, но решил воздержаться.

– Да. Я чувствую себя лучше, впервые за долгое время.

Они еще немножко постояли.

– Ну, – начал Шанс.

– Иногда я использую цифры, – сказала она ему.

Шанс посмотрел на нее.

– На мебели, – добавила она. – Иногда формулы или геометрические фигуры. А иногда – просто цифры.

– А-а. – Он вспомнил, что вдобавок она учительница.

– Работаю в школе, учителем на замену, – пояснила она. – Вернулась к прежнему, после того как разъехалась с мужем. – От затронутой темы звук ее голоса словно сошел на нет.

– Вы хорошо выглядите, – сказал Шанс, внезапно все-таки поддавшись посетившему его прежде порыву. Если он надеялся, что это замечание вернет улыбку на ее лицо, то не прогадал.

– Правда? – переспросила она, каким-то образом снова чуть-чуть сместив интонацию их встречи.

Интересно, подумал он, дело во мне самом или она просто хорошо играет роль, знает, как надо? Или, возможно, он просто не хочет ей верить. В конце концов, психотерапия кардинально меняет людей. Почему бы не Жаклин Блэкстоун?

– Правда, – сказал он наконец. – Я едва узнал вас в магазине.

– Ну, – проговорила она, протягивая руку, – я рада, что мы вот так повстречались.

Он ответил на рукопожатие:

– Я тоже. И я желаю вам всего наилучшего.

Кажется, она сочла его слова способом попрощаться, и, возможно, так оно и было. Конечно, именно так и должно было быть. Но все же, выпуская ее руку, он испытал угрызения совести.

– Ну, – опять сказала она, и он ощутил, что им обоим на самом деле не хочется расставаться, – надеюсь, книга вам понравится. И удачи с мебелью, что бы вы ни решили.

Он улыбнулся и кивнул, и вроде бы она ушла, или ему только показалось. Шанс так запутался в тот момент, пытался решить, не надо ли что-то еще сказать; позднее, вспоминая об этом разговоре, он никак не мог вспомнить, попрощались ли они по-настоящему, и пришел к выводу, что нет. Он кивнул. Она улыбнулась. Он остался стоять, а она двинулась прочь по тротуару, задержавшись у витрины какого-то магазина, потом снова пошла и пропала из виду, и слава богу, подумал Шанс тогда, но после нее осталось необычное томление, боль, которой он не испытывал уже много лет, вождение в сочетании с уверенностью в том, что объект желания недостижим, – все это, а еще удивительный изгиб ее спины, когда она встала перед витриной магазина, словно танцовщица, и полуденный свет на ее пепельных волосах.

Но ощущение романтической двойственности, которое охватило его сразу после встречи, в последующие дни сменилось глубоким облегчением от того, что он не поддался абсурдному искушению еще глубже влезть в ее дела, и Шанс вернулся к раздумьям о том, как же поступить с мебелью. Никакой необходимости спешить он не чувствовал. Шанс всегда рассматривал любой вопрос под множеством разных углов: чем их больше, тем лучше, чтобы представить себе все наихудшие сценарии развития событий. Жена и дочь часто обвиняли его в чрезмерной осмотрительности, беспощадно третируя, когда Шанс целыми днями обдумывал какое-нибудь тривиальное решение или покупку, но он верил в осторожность. Похоже, это вдолбил в него отец, проректор маленького библейского колледжа¹². Как и Тот, в честь Кого было названо это учебное заведение, отец любил говорить притчами и предпочитал те, в которых юношеская опрометчивость неотвратимо приводила к боли и лишениям. Шанс избежал обучения в отцовской школе, но не мог сказать с уверенностью, что слова старика не повлияли на все его поступки. Да и врачебная практика не располагала к беспечности. Он провел слишком много времени с людьми, для которых все изменилось за одно мгновение, за один вдох... от того, что они свернули влево, а не вправо, не увидели свет или не услышали сигнал, или, как Жаклин Блэкстоун, были виноваты лишь в недалновидности, которая ставит сердце вперед головы, и теперь Жаклин оказалась в больнице «Мерси Джeneral Хоспитал» в центре Окленда с переломом нижней стенки правой глазницы, ожидала операции, чтобы уменьшить давление на нижнюю прямую мышцу глаза, и это было второе, что произошло.

Новость ему передала Дженис Сильвер. Она позвонила, решив, что Шанс захочет быть в курсе, потому что Жаклин пришла к ней по его рекомендации. Она к тому же была очень зла и хотела наконец-то выговориться, раз уж Жаклин без страховки оказалась в окружной больнице, а также поинтересоваться, не согласится ли Шанс заглянуть к больной, чтобы лично оценить степень ее повреждений.

Шанс согласился. Он сидел у себя в кабинете, на столе перед ним лежала та самая книга, что он приобрел в присутствии Жаклин, очертания домов за окном скрадывал наползавший послеобеденный туман.

---

¹² Христианское учебное заведение с углубленным изучением Библии.

– Это работа ее бывшего? – спросил он.

– Не поверю, что чья-то еще.

– Но ты не знаешь точно?

– Она не говорит.

Шанс смотрел на туман. Он слышал вздох Дженис, слышал гнев в ее голосе.

– У нас был такой устойчивый прогресс, – сказала она. – Знаешь, этот сукин сын навещал ее раз в неделю. Она стала ему отказывать. И это работало. Джекки перестала появляться. Это *наверняка* он.

– А что она говорит?

– Говорит, спугнула вора во дворе своего кондоминиума.

– Полагаю, такое возможно.

– О, конечно, – откликнулась Дженис, – все возможно. Давай не будем исключать, что ее похитили инопланетяне.

Он отправился в больницу на следующий день, но не пошел прямо к ней, а вначале поговорил с ее лечащим врачом. Жаклин получила сотрясение мозга, но признаков кровоизлияния или структурных повреждений не нашли. Операция по освобождению зажатой мышцы была достаточно простой, и Шанс обрадовался тому, что Жаклин в хороших руках. А что до причины инцидента, тут еще требовалась дополнительная информация. Пока был только рассказ Жаклин о том, что кто-то неожиданно напал на нее на задворках дома, и все.

Он решил до поры отложить этот вопрос вместе с осмотрительным поведением, подавившись импульсу и остановившись у ее палаты. Дверь была открыта, и на стуле возле кровати сидел широкоплечий мужчина с густыми темными волосами, одетый в серый костюм. Мужчина сидел спиной к двери, слегка подавшись вперед, держа Жаклин за руку, и негромко что-то говорил. Шанс мало что услышал, кроме имени «Джекки», после чего ретировался в сестринскую и затеял разговор с одной из медсестер, дожидаясь, когда мужчина уйдет. Заодно он отрекомендовался в качестве врача и продолжил расспросы о пациентке из палаты 141.

– Она испытывает сильную боль, – сказала ему медсестра. – И жалуется, что у нее двоится в глазах. Операция назначена на сегодня, на вторую половину дня.

– У нее много посетителей?

– Только муж, – сказала медсестра, извинилась и ушла к одному из пациентов.

Шанс был все еще в сестринской, когда мужчина вышел из палаты. Среднего роста, жилистый и широкоплечий, довольно красивый, подумал Шанс, и наверняка способный наделать немало бед своими кулаками.

Шанс полагал, что мужчина пройдет мимо, и удивился, когда тот остановился перед ним.

– Вы один из ее врачей? – спросил он.

Его черные глаза смотрели прямо и пристально. Шанс, конечно же, вспомнил, что перед ним детектив убойного отдела Окленда, и это определенно ощущалось – мужа Жаклин окружала какая-то аура значительности и некий намек на агрессивность. Шансу нетрудно было поверить, что перед ним полицейский. Ему нетрудно было поверить, что перед ним плохой полицейский.

– Я психоневролог, – сказал ему Шанс. – Лечащий врач попросила меня проведать пациентку.

– Вы только что были у ее палаты, что же не заглянули?

– Увидел, что у нее посетитель. Спешки не было.

– Не было? Не слишком-то это похоже на врачей, которых я знаю.

Шанс ничего не ответил и подумал, что мужчина, возможно, сейчас улыбнется, но он лишь посмотрел на него в ответ, бросил быстрый взгляд, а потом направился к лифтам в конце коридора. Шанс подождал, пока он удалится, и вернулся в палату Жаклин.

Женщина выглядела примерно так, как он и ожидал, учитывая характер и серьезность ран. Одна сторона лица сильно опухла и походила на сплошной синяк. При его приближении Жаклин слегка отвернулась, и Шанс заметил, что она плакала.

– Жаклин, – начал он, – мне так жаль...

– Пожалуйста, – сказала она, – вы должны уйти. – Она говорила сквозь сжатые зубы, смотря в стену, где сквозь маленькое грязное окошко виднелся Окленд.

Шанс дотронулся до ее руки, лежащей поверх одеяла.

– Вы поправитесь, – от волнения и беспомощности в голову лезли одни штампы. – Вам станет лучше, когда мышцу освободят, и вы перестанете видеть все в двух экземплярах.

Он попытался пошутить, но ей было не до шуток. Ее ладонь сжималась и разжималась, терзая небесно-голубое одеяло на кровати. Он слегка стиснул предплечье Жаклин. Ему хотелось взять ее на руки – такой слабой и болезненной казалась она сейчас, лежа в этой стерильной палате с пластиковыми занавесками и больничным покрывалом, с унылым видом на город. Сразу вспомнился их разговор в книжном магазине Беркли меньше двух недель назад, расписные стулья, выражение ее лица, когда она упомянула свою умершую собаку, притягательную улыбку, когда они стояли в очереди, чтобы заплатить за книги. У нее нежная душа, подумал он, нежная и добрая. Она уклонялась от его взгляда, уклонялась от его утешений. Истина заключалась в том, что операция освободит ее зажатую мышцу, но не избавит от человека, которого Шанс только что видел в палате, не избавит от того, кто склонился над ней, как вампир из малобюджетного фильма, и держал ее ладонь в своей руке, той самой, которой бил. Теперь, когда Шанс посмотрел этому человеку в лицо, он больше не сомневался в том, что Дженис права. Никакого грабителя, пробравшегося на территорию кондоминиума, не было. Это человек, которого он видел, плохой коп, подстерег свою шлюху, рассердившись на ее внезапное исчезновение.

За стенами больницы – такой унылой и серой, что скорее походила на тюрьму, чем на место, где лечат, – нависла мгла. Даже всегда радовавшие глаз городские пейзажи, открывавшиеся с моста между Ричмондом и Сан-Рафаэлем, казалось, сокрыл мрак. Шанс провел остаток дня в маленькой, чрезмерно теплой кухне бывшего стоматолога. Его нанял дальний родственник последнего, заподозрив, что имеет место ненадлежащее обращение с престарелыми, и попросив оценить, насколько старик уязвим для чужого влияния. Пациенту, Уильяму Фрау, который, впрочем, предпочитал, чтобы к нему обращались «док Билли», было девяносто шесть лет. В каждом ухе он носил слуховой аппарат и дышал с помощью кислородного баллона. Когнитивные и психологические тестирования растянулись на несколько часов. К тому времени, как Шанс снова оказался на улице, вызывающей такую же клаустрофобию, как крохотная кухонька дока Билли, послеобеденное время сменилось потемками, тротуары стали влажными от докучливого тумана, который Шанс в былые годы даже считал бы романтичным. Возвратившись в свою квартиру, он узнал из письма, что налоговое управление только что наложило арест на все средства, которые предстояло получить от продажи дома.

Было уже довольно поздно, но Шанс смог дозвониться до своего адвоката. Ситуация выглядела следующим образом: после бухгалтерской ревизии маленькой фотостудии его вскоре бывшей жены ее деятельностью заинтересовалось государство. Сам Шанс пару лет вкладывался в этот бизнес, чтобы помочь ему встать на ноги. Теперь все выглядело так, что эти деньги не учтены должным образом. У него нашли неподтвержденные расходы, у жены – не представленные в отчетах поступления. Будучи в браке, они подавали совместную налоговую декларацию, а теперь, расставаясь, оказались оба замаскированы. Единственная разница между ними заключалась в том, что у него *были* деньги, пусть их общая сумма сейчас все уменьшалась и уменьшалась, а у нее – нет. Государство насчитало налоговых задолженностей и пеней на

общую сумму в двести тысяч долларов. И, конечно, его ждали новые счета от юристов, которые всем этим занимаются. Он поблагодарил адвоката и повесил трубку.

Шанс сел, держа в руках письмо из налоговой – пальцы дрожали то ли от ярости, то ли от стресса, то ли от страха, – не в силах прогнать ощущение, что его бывшая супруга, самый близкий человек, мать его ребенка, сдала мужа. «Беда, чтоб ее, одна не приходит», – сказал он в никуда, почти сразу с известной долей досады представив, как нечто подобное могла бы сказать его мать. И как бы он возненавидел ее за это, за банальности и клише, за раздражающие назидания. Но потом решил, что все идет как должно... если протянуть на Земле достаточно долго, то в качестве награды превратишься в человека, которого презирал большую часть жизни...

Шанс взял из шкафчика над холодильником бутылку вина, купленную за три доллара в супермаркете «Трейдер Джо», нашел из чего пить, уселся в своей маленькой кухоньке, которая была лишь чуть-чуть менее тесной, чем у доктора Фрая, и взялся за отчет:

Уильям Фрай, дантист, 92 года, правша, тридцать лет на пенсии. Одинок, никогда не был женат, последние пятьдесят пять лет проживает в квартире на втором этаже в квартале Кастро, Сан-Франциско. Вопрос о возможном неподобающем обращении с престарелыми поднят в связи с женщиной, осуществляющей домашний уход за мистером Фраем, которой он, по всей видимости, передал более миллиона долларов в виде чеков из инвестиционного фонда...

И это все, на что он оказался способен. На большее не хватило духу. Только не сегодня. Вместо этого он принялся потягивать вино из до нелепости большого бокала, в котором когда-то давно смешивали коктейль «Ураган» из нью-орлеанского бара, – другой чистой стеклянной посуды Шанс так и не нашел, хотя искал долго. Он думал о том, что жена сдала его. Думал о Жаклин Блэкстоун и ее разбитом лице. Думал о тьме в людских сердцах. Вспомнил кое-что из сказанного доктором Билли во время их долгого послеобеденного бдения: «Вы не можете представить, каково это... девяносто два сраных года, и вдруг ты впервые влюбился. Деньги просто перестают иметь значение».

Шанс думал, что может легко представить, как чувствует себя человек, которому исполнилось девяносто два сраных года. К несчастью, это никоим образом не уменьшило его тревогу из-за собственных трудностей. Взгляд Шанса упал на французский гарнитур, громоздившийся в углу крошечной гостиной, и он решил продать его незамедлительно, и за самую большую сумму, которую только удастся выручить. И к такой-то матери все последствия. Это была совершенно несвойственная ему опрометчивость. Позднее он винил в своем решении дешевое вино в сочетании с тем простым фактом, что не смог тогда найти подходящего чистого стакана.

Ди

На следующий день была суббота, и он добрался до «Старинной мебели Аллана» сразу после восхода солнца. В салоне оказалось еще темнее, чем в предыдущие визиты, и так тихо, словно тут никого нет, хотя парадная дверь, выходящая на улица, была, как всегда, открыта. Он вошел. Голоса Карла не услышал и найти старика не смог. Он уже подумал, не встретит ли где-то тут кожаного курильщика крэка, но и тот отсутствовал. Шанс прошел к большому столу, у которого они рассматривали на ноутбуке фотографии его мебели, наудачу поздоровался в пространство, не получил ответа и двинулся в заднюю часть магазина.

Мерцающий голубой свет из дыры в стене привел его к мастерской Большого Ди. Подойдя ближе и заглянув в оконце, он увидел самого гиганта, который с портативной горелкой трудился над сияющим куском металла. Шанс немного подождал, наблюдая за работой. В этой сцене чувствовался какой-то архетипический аспект, который чем-то успокоил Шанса, и он, не желая мешать, смотрел, как большой человек, используя инструменты своего ремесла, решает поставленную перед ним задачу. Было в этом нечто безусловно материальное, относящееся к иным, ранним, а значит, возможно, более простым временам. Впрочем, Шансу тут же пришло в голову, что простые времена – понятие скорее ностальгическое, чем историческое, потому что жизнь на планете Земля никогда не была простой.

Он дождался, пока Ди прервется, и постучал по стене, чтобы привлечь его внимание. Ди положил вещь, над которой трудился, на верстак и подошел к оконцу, на ходу сдвинув на лоб ручищей в перчатке затемненные защитные очки.

– Док Шанс, – сказал он. Лицо его покраснелось от трудов, по щекам струился пот, но голос был ровным и безразличным, как будто присутствие посетителя его вовсе не удивляло или удивляло совсем мало.

– Здравствуйте, Ди, – отозвался Шанс, надеясь, что говорит жизнерадостно. – Карл здесь?

– Сегодня он остался дома.

– Он здоров?

– Малость прихворнул, – ответил Ди.

Здоровяк был одет так же, как в день их знакомства, но без куртки, демонстрируя футболку с обрезанными рукавами, из которой торчали руки такой же толщины, как ноги Шанса. Надпись на футболке теперь тоже была видна – кровавые буквы гласили: «Искусство клинка».

– А-а, – Шанс засомневался, раздумывая. – Ну, полагаю, вы, наверно, тот человек, с которым мне все равно надо будет переговорить, хотя бы для начала. Вы помните мебель, которую мы вам показывали.

– Помню. Вы решили, что хотите ее починить?

Шанс улыбнулся формулировке здоровяка.

– Полагаю, можно и так сказать. Мне нужно знать, сколько это будет стоить, если придется платить авансом, или мы как-то это решим, когда вещи будут уже проданы?

– Оплату вы должны обсуждать с Карлом.

– Конечно. Как думаете, он появится в ближайшее время? Надеюсь, с ним ничего серьезного?

– Все будет нормально. Думаю, он появится через день-другой.

– Думаю, меня устроило бы, – сказал Шанс, – если бы мне не нужно было ничего предпринимать. Я бы просто привез мебель сюда. Уверен, мы как-нибудь договоримся. – Теперь, столкнувшись с незначительным препятствием, он понял, как сильно хочет продать гарнитур, и тут же добавил: – Только мне нужно помочь с перевозкой. У Карла должен быть кто-нибудь, кто этим занимается.

- Он вроде как сейчас проводит время именно с этими людьми.
- А может, у него и грузовик есть для таких целей где-нибудь тут, в мастерской?
- Был.

Шанс кивнул. Он уже понял, что Ди не из тех, кто распространяется о житейском.

– Вот что я вам скажу, – через несколько секунд добавил Ди, – идите в «Ю-Хол»¹³ или еще куда, возьмите напрокат большой грузовик, чтобы можно было перевезти мебель за один раз. Могу помочь вам доставить ее сюда.

- Правда?
- Хотя сегодня, только грузовик найдите.

Шанс немного помедлил.

– Черт, – сказал он и счел необходимым устроить шоу, похлопывая себя по одежде. – Телефон дома забыл. Тут есть откуда позвонить?

Ди кивнул на дверь.

Шанс прошел в мастерскую.

Она оказалось довольно просторной, со множеством верстаков, заготовок, тисков и инструментов. В дальнем углу стояли раскладушка и деревянный ящик, играющий роль прикроватной тумбочки, на котором были аккуратно разложены личные вещи. На полу у раскладушки валялись книги, а вдоль стены в образцовом порядке выстроилось несколько картонных коробок. Большое напольное зеркало в деревянной раме, почти наверняка позаимствованное из коллекции Карла, выглядело частью обстановки, как и прикрепленный к кирпичной стене большой лист фанеры, на котором кто-то черной краской нарисовал очертания человеческого туловища более или менее в натуральную величину, надписав цифрами отдельные его участки. Шанс предположил, что они обозначают места, куда следует наносить удары. Общее впечатление было таково, что Ди тут не только работает, но и живет.

Пока Шанс изучал обстановку, Ди выкопал в недрах старой школьной парты с исцарапанной поверхностью потрепанный телефонный справочник Сан-Франциско, а потом указал на висящий на стене древний черный телефон.

– Вот, валяйте, – сказал он и снова занялся тем, что делал до того, как его отвлек Шанс.

Отделение «Ю-Хол» нашлось в Ной Вэлли. Не слишком близко, зато там уже во второй половине дня можно было взять грузовик. Шанс сказал, что арендует его, и подошел к верстаку.

- Порядок? – спросил Ди.
- Грузовик должен приехать к трем, во всяком случае так мне сказали. Вернусь на нем.

Очень благодарен вам за помощь.

Ди кивнул. Он снова трудился над куском металла, только вместо горелки в руках у него теперь был молоточек, которым он обстукивал заготовку по краям.

- Могу я спросить, что это такое?
- Можете.

Шанс улыбнулся. Большой Ди определенно был не лишен чувства юмора, он поднял свою работу так, чтобы Шанс мог ее рассмотреть. Тот спросил, не топор ли это.

- Томагавк, – сказал ему Ди.
- Не знал, что есть какая-то разница.
- Топор – это инструмент. Томагавк – оружие.
- Это в наши-то дни?
- Пусть вас это не удивляет, – ответил Ди.
- Для себя делаете?
- Приятелю... он в Афганистан возвращается.

---

¹³ Компания, предоставляющая грузовики в аренду.

Шанс вспомнил их первую встречу, военную куртку с нашивкой «РЕЙНДЖЕРЫ».

– Вы там были?

Ди кивнул.

– Когда вы вошли, я закалял горелкой лезвие. Тут так же, как с ножом. Нужно тонкое лезвие, чтобы оно могло резать, твердое, но не хрупкое. – Он снова поднял томагавк. – Мы с приятелем уже две поездки эту штуку отлаживаем. Он рассказывает мне, какова она в деле, и как, по его мысли, можно сделать ее еще лучше. А я соответственно ее переделываю.

Шанс на миг задумался, воображая, как на практике может выглядеть подобное сотрудничество.

– Мне лучше выйти встретить машину, – сказал он.

Транспортировка заняла куда больше времени, чем предполагалось, грузовик оказался куском дерьма с дрянными амортизаторами и пружинами, торчащими из обтянутых искусственной кожей сидений, тени уже удлинились в вечернем свете, когда Шанс и Ди наконец выехали на Грейт-Хайвей¹⁴, трясаясь на древней колымаге, влившись в число тех, кто в вечерний час пик маневрировал между рядами автомобилей на каждом перекрестке, пытаюсь попутно не задеть детей с рюкзаками и мобильными телефонами, переходящих дорогу в неположенных местах, китайских рабочих, разгружающих рыбу на углах перед конкурирующими бакалейными лавками, и татуированных подростков в смешных шапочках на грохочущих скейтбордах. По пути им встретился даже парень с доской для серфинга, он шел в направлении пляжа Оушен-бич, но выглядел при этом слегка растерянно, и тут старый грузовик как по команде издал громкий хлопок, возвещая об их появлении...

Большой Ди вздрогнул, как будто в него выстрелили, а Шанс рассмеялся. Просто не смог сдержаться.

– Мы прямо как Джоады.

– Какие, на хер, Джоады?

– Из «Гроздьев гнева».

Ди молча смотрел на него.

– Великий роман о Великой депрессии, и кино по нему неплохое сняли. Джон Форд, Генри Фонда. Джоады – это фамилия семьи фермеров, которая переезжает из засушливых районов в Калифорнию, и все их имущество умещается в кузове старого грузовика. Я сейчас веду, наверно, такой же грузовик, как у них был.

– Просто здорово, – сказал Ди, вот только радостным он не выглядел.

Конечно, поблизости от дома Шанса подходящей парковки не было. Как не было ни малейшей возможности, учитывая высоту и ширину грузовика, загнать его в общий подвальный гараж. Шанс, как мог далеко, впихнул переднюю часть машины на узкую подъездную дорожку, включил тормозные огни и аварийку, предупреждая водителей о том, что тут им придется маневрировать, и вылез из кабины.

Поднимаясь по узкой лестнице, он слышал, как сзади пытит и отдувается Ди. К тому времени, как они добрались до квартиры и остановились, глядя на мебель, здоровяк опять покраснелся и вспотел, как в своей мастерской, и Шанс начал опасаться, что лестница в сочетании с тяжелыми вещами окажется перебором, и желание Ди все сделать за раз, учитывая его вес и откровенное отсутствие вентиляции, может стать роковой ошибкой. Дело могло закончиться и инсультом.

– Хотите воды? – спросил Шанс, а сам подумал, не лучше ли дать парню отдохнуть, и попытался вспомнить, когда последний раз оказывал первую помощь.

– Забудьте, – сказал ему Ди, – и берите вот это.

---

¹⁴ *Great Highway* – автострада в Сан-Франциско, которая тянется вдоль побережья Тихого океана.

Он кивнул на кресло, направившись к письменному столу, самой большой и тяжелой части гарнитура. Не дожидаясь ответа Шанса, нагнулся, ухватился за стол, прижал его к груди, словно это была всего лишь складная ломберная безделушка, и направился к выходу. Шанс последовал за Ди, глядя, как тот с трудом спускается с мебелью по узкой лестнице, поворачивая ее то так, то сяк, а в одном месте, перед выходом из дома, даже поднимает над головой. Поставив свою ношу в кузов, он повернулся к Шансу, который все еще держал в руках кресло.

– Вы оставайтесь тут все это дерьмо завернуть-пристегнуть, а я притащу остальное.

Именно так они и поступили. К тому времени, как Шанс закутал стол маминым одеялом и закрепил его у борта грузовика брезентовыми ремнями, Ди уже вернулся с книжной полкой. А когда Шанс покончил и с ней, Ди принес оставшееся кресло. Он запыхался ничуть не больше чем вначале, но и не меньше.

Пока Шанс возился с гарнитуром, кто-то из водителей начал сигналить. Движение тут всегда было трудным, а грузовик замедлил его еще сильнее, успешно превратив двухстороннюю улицу в однополосную, поэтому автомобилистам приходилось по очереди объезжать выпирающий на проезжую часть кузов. Для местных жителей в происходящем не было ничего необычного. Но и сигналили тут тоже часто, а один из водителей, кажется, принял задержку за личное оскорбление. Он сидел за рулем темно-серого с синевой «БМВ», большого, с тонированными стеклами, и жать на клаксон начал, когда между ним и грузовиком оставалось еще машины три. Чего он надеялся этим добиться, непонятно, но все сигналил и сигналил, и даже вдохновил еще двух или трех водителей к нему присоединиться.

Шанс прошел в заднюю часть кузова, откуда можно было посмотреть в глаза водителю, молодому, толковому с виду парню в белой рубашке с закатанными рукавами. Шанс развел руками, как бы спрашивая его: «Что я, по-твоему, должен делать? Ну вот так дело обстоит, да». В ответ водитель показал ему средний палец. Шанс вернулся к прерванному занятию.

К тому времени, как Ди пришел с последним креслом, «БМВ» почти дополз до задней части грузовика, а его водитель теперь перемежал гудки с ругательствами. Ди поставил кресло в кузов и как ни в чем не бывало шагнул на проезжую часть, эффектно заблокировав дорогу сигналившему автомобилю, водитель которого уже собирался объезжать грузовик. «БМВ» резко остановился. Водитель снова принялся бибикать, размахивать руками и двигать нижней челюстью. Ди просто стоял и смотрел на него. В какой-то момент парень за рулем, кажется, понял, что к чему, и на улице воцарилась глубокая тишина. Водитель посидел, ожидая, пока проедут несколько встречных автомобилей, потом попытался сдать назад настолько, насколько позволяла выстроившаяся позади него очередь из пятнадцати машин, и вывернул колеса, словно это каким-то образом могло помочь ему сбежать отсюда. Ди в ответ сделал один шаг к машине и еще один вправо. Позиция водителя была теперь до боли, до изумления очевидна. У него было три возможности. Он мог переехать стоявшего перед ним человека; несомненно, сердце подсказывало ему именно это, но поступить так было бы неразумно, учитывая количество свидетелей и особенности движения, которые не позволили бы ему уехать далеко и быстро. Он мог, конечно, выйти из машины. И наконец, мог сидеть в ней и помалкивать, пока всем и каждому не станет ясно, что он – конченный дебил. Неудивительно, что парень выбрал третий вариант. Выдержав уместную паузу, Ди отошел в сторону, и скандалист тихонько поехал дальше, руки на руле, глаза тупо вперед.

Шанс как раз закончил с мебелью. Он еще раз поднялся наверх, чтобы напоследок взглянуть на квартиру и запереть дверь. Когда вернулся, Ди ждал на пассажирском сиденье в кабине грузовика. Шанс сел за руль. Целый квартал они проехали молча.

– Это было неплохо, – сказал наконец Шанс, имея в виду происшествие на улице. На самом деле он с трудом сдерживал радостное возбуждение.

Ди кивнул, откинул голову на металлическую решетку за сиденьем, и закрыл глаза.
– Такие идиоты меня всегда радуют.

Сдуревший от любви

В последующие дни Большой Ди, предположительно, трудился над мебелью Шанса, Карл по-прежнему отсутствовал по неизвестным причинам, Шанс бегал по делам и продолжал работать с доком Билли. В шкале депрессии Бека Билли согласился со следующими утверждениями:

- *Я часто чувствую себя расстроенным и печальным.*
- Я тревожусь о будущем больше обычного.*
- У меня чаще, чем у других, бывают неудачи.*
- Я не получаю такого же удовольствия от жизни, как раньше.*
- Я чувствую, что могу быть наказан.*
- Я плачу чаще обычного.*
- По большей части я утратил интерес к другим людям и вещам.*
- Я не считаю себя таким же полезным и результативным, как раньше.*
- Я сплю гораздо больше обычного.*
- Я устаю гораздо быстрее, чем раньше.*
- Секс интересует меня меньше, чем раньше.*

Шанс зафиксировал результаты теста как $13/63$, что соответствовало умеренному уровню депрессии. Он мог бы сказать то же самое о себе, но о таком старался не думать. Пил больше обычного, и это его тревожило. Поглядывал в сторону лексапро¹⁵, но с этим вариантом решил повременить, посчитав некой формой капитуляции перед отчаянием, – о чем никогда бы не сказал тем многочисленным пациентам, которым без колебаний назначал препарат. Также он все не мог решить, что делать с доком Билли. Симпатии Шанса были на стороне старика, но игнорировать профессиональные соображения он не мог. Доходы Шанса сейчас в большей или меньшей степени зависели от его репутации как эксперта, причем в таких делах, как случай доктора Билли, а, кроме шкалы депрессии Бека, он провел уже кучу тестов. По совокупности показателей он не мог утверждать, что проблемы доктора Фрая с вниманием, концентрацией и памятью были результатом эмоционального потрясения, то есть вмешательства в его личную жизнь со стороны родственника, который – Шанс не сомневался – был довольно-таки дальним и интересовался только деньгами Билли. Когнитивные функции старика определенно катились под горку.

Другим действующим лицом этой пьесы, сиделкой и главным подозреваемым, была Лорена Санчес, раньше она жила в мексиканском штате Оахака и, как ревностная католичка, частенько молилась в присутствии Билли. На просьбу описать ее внешность последний ответил, что она пяти футов ростом и весьма дородна. Они сидели в кошмарной кухоньке, доктор Шанс и доктор Билли, при закрытых окнах, опущенных жалюзи и включенной на триста пятьдесят градусов¹⁶, «чтобы было потеплее», духовкой. Старший доктор развлекался со слуховыми аппаратами, которые описывал соответственно как «япошкина работа» и «дерьмо бесполезное». Возле него стоял зеленый кислородный баллон и периодически негромко пощелкивал, словно внутри него томились крохотные существа, возможно даже, пришельцы-инопланетяне, которые пытались выйти на связь с внешним миром, частью которого в той или иной степени был и сам Шанс.

¹⁵ Лексапро, или эсциталопрам, – антидепрессант, применяющийся для лечения депрессии, а также тревожных, фобических и панических расстройств.

¹⁶ По Фаренгейту, то есть 176 градусов по Цельсию.

– Штука в том, – сказал ему Билли, – что, когда она принарядится... – Он потряс рукой, будто отряхивая от воды кончики пальцев, и поднял брови. – Первый раз я ее такой увидел... мы были в «Бейгл-Хаус», в Ломбарде, и я сказал ей... я сказал ей, какая она красивая.

– И как она отреагировала? – спросил Шанс.

Старик ненадолго задумался.

– Взяла меня за руку, – сказал он тихо. Его глаза слезились. – «Я никогда не встречала такого, как вы», сказала она мне. – Он помолчал, глядя на Шанса. – Она так и думала на самом деле. Это я вам точно говорю. Она хотела, чтобы мы поженились. И сейчас хочет. Можете в это поверить? Она говорит это на случай, если возникнут финансовые проблемы. – Билли шлепнул ладонью по колену. – Мы влюбились друг в друга, – сказал он. – И да, я знаю, тут может быть какой-то скрытый *motus*¹⁷, чтоб его. Боже милостивый, мне же девяносто три года. А ей пятьдесят три. Но тут другое – вот в чем суть-то. Она – настоящая, то что надо. А если нет, значит, настоящих вообще не существует, не в этой жизни.

Слова о том, что «тут другое», Шанс склонен был отнести к состоянию подлинной влюбленности; от такого полупьяного молодого доктора потянуло на философию:

Нищие утверждал, что «в конце концов, мы любим наше собственное возжелание, а не предмет его»¹⁸. Исходя из этого, если рассматривать ситуацию несколько отстраненно, можно сказать, что благодаря отношениям с Лореной Уильям чувствовал себя нужным, обихоженым и защищенным. К тому же он впервые в жизни испытал эйфорию влюбленности. К его чести, он способен признать, что на каком-то уровне знает и об этом, и о том, что им манипулируют. Тем не менее в конечном счете он возвращается к вопросу: «Чего стоят деньги без любви?»

Шанс приговорил еще одну бутылку вина за работой, пытаясь составить заключение по доку Билли, с которым только сегодня провел четыре с половиной часа в маленькой, похожей на сауну квартирке. Теперь он сидел у себя дома, который угнетающе походил на жилище престарелого стоматолога, за исключением разве что жары. Билли прожил на одном месте пятьдесят пять лет, одинокий и нелюбимый. Мало удивительного, что он влюбился в дивную Лорену, пусть та даже низкорослая и в теле. *«Признавая наличие в данном деле убедительных свидетельств, говорящих о неподобающем обращении с пожилым человеком, – продолжал Шанс, отчаянно ища слова для благоприятной формулировки, способной смягчить унижения, которых Билли еще натерпится от времени, мира и родственника из Орегона, – не следует также исключать возможности того, что на определенном уровне Уильям Фрай нанял Лорену для своих целей, что он в каком-то смысле оставил ее при себе для того, чтобы подвергнуть себя ненадлежащему влиянию, потому что хотел испытать в ее обществе любовь, удовольствие и чувство защищенности. Я убежден, что Уильям на самом деле помнит несколько больше, чем утверждает. По существу, он был партнером в укрывательстве, заговорщиком, соучастником, который теперь хочет защитить Лорену от последствий, что по закону влекут ее действия... – Выходило как-то ненаучно, Шанс прервался, а потом попробовал снова: – Несмотря на очевидную физическую немощь... и вполне очевидную необходимость назначения финансового надзора... доктор Фрай до сих пор в значительной мере сохраняет чувство собственного достоинства и осознает свои проблемы...»*

В конце концов Шанс вздохнул и отложил заключение в сторону. Как-никак, человек в его положении мог сделать немного. Чему быть, того не миновать, и оставалось надеяться лишь на то, что старик найдет способ уйти с достоинством, выйдет на обреченный, но герои-

¹⁷ Движение, страсть, беспокойство (лат.).

¹⁸ Нищие Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего (пер. Н. Полилова).

ческий последний рубеж... что угодно, только не умрет, одуревший от любви, прикованный к постели в обществе кислородного баллона, в свои девяносто два наконец-то став похожим на всех своих собратьев по несчастью.

Однако когда он попытался представить, каким может оказаться последний рубеж дока Билли, то обнаружил, что не может этого сделать, и его мысли обратились, как очень часто бывало в последнее время, к Жаклин Блэкстоун. В сущности, она уже опасно подобралась к тому, чтобы заменить Мариэллу в качестве объекта сезонной одержимости. Может, она тоже, как и док Билли, только по причинам более темным и извращенным играла роль партнера в укрывательстве, заговорщика, соучастника, который желает защитить некогда любимого человека от полагающихся по закону последствий его действий? Не успев задать себе этот вопрос, он уже возненавидел себя за него. Шанс думал о водителе, которого победил в психологической дуэли Большой Ди. По сути, он не мог отделаться от ощущения, что он также жидко обделался в больнице, оказавшись бессильным перед лицом мучителя Жаклин. Как, гадал он, поступил бы в такой ситуации Большой Ди, зная то, что знал Шанс? Тут он, как школьник, начал фантазировать о мести, наглядной, с изрядным объемом кровопусканий. Этот Блэкстоун так просто не уехал бы. И одним синяком под глазом не отделался. В мечтах Шанса полицейскому выбивали зубы, вспарывали живот, его душили, кастрировали, ну и просто убивали. На следующий день, в полдень, Шанс отправился осведомиться насчет своей мебели.

Как и раньше, парадная дверь салона была открыта, в здании царил темнота, а покупателей не было. Не обнаружив никаких следов Карла, Шанс направился прямо в дальнюю часть магазина. В мастерской Ди горел свет, но здоровяк на зов не откликнулся. Нагнувшись, чтобы заглянуть в узкое окошко, через которое их с Ди когда-то представили друг другу, он увидел, что задняя дверь, выходящая в переулок, открыта, и оттуда льются косые лучи желтого света. Шанс осмелился войти на территорию Ди и двинуться на улицу. Попутно заметил свою мебель, которая довольно беспорядочно, как показалось ему, громоздилась в углу. Если Ди и начал работать над отделкой и реставрацией, это было пока незаметно.

Здоровяк сидел в переулке на опрокинутом ящике, рядом с ним лежал пакет из какого-то местного фастфуда, в одной руке Ди держал большую диетическую колу, в другой – томик «Гроздья гнева» и смотрел, как приближается к нему Шанс.

– «Тогда ты меня и в темноте почувствуешь», – сказал Ди вместо приветствия. Он не сверялся с книгой. – Я везде буду – куда ни глянешь. Поднимутся голодные на борьбу за кусок хлеба, я буду с ними. Где полисмен замахнется дубинкой, там буду и я. Ребятишки проголодаются, прибегут домой, и я буду смеяться вместе с ними – радоваться, что ужин готов. И когда наш народ будет есть хлеб, который сам же посеял, будет жить в домах, которые сам выстроил, – там буду и я»¹⁹. – Он сделал паузу и посмотрел в книгу. – Может, пропустил чего-то.

– Мне примерно так же помнится, – сказал Шанс. – Это очень хорошо.

– Когда кто-то упоминает что-нибудь, чего я не знаю – книгу или еще что-то, вроде бы интересное, – я это нахожу и проверяю, о чем идет речь.

– Замечательная черта, – сказал Шанс. Он сел на бетонную ступеньку возле ящика.

Ди закрыл книгу и посмотрел на него:

– Как оно, братишка? Еще какую-то мебель надо перевезти?

– Вряд ли. Разве что пару мудаков обработать, как того парня в «БМВ».

Шансу лестно было думать, что тот случай на дороге вроде как связал их неким подобием мужской дружбы. А что до бесчисленных фантазий, на которые вдохновил его этот эпизод, так он оставит их при себе. Шутка про мудаков была максимумом, который он мог себе позволить, но Ди так этого не оставил.

---

¹⁹ Перевод Н. Волжиной.

– Кого? – спросил он, и Шансу показалось, что здоровяк не шутит.

Шанс чуть не рассказал о Жаклин Блэкстоун и ее хищнике-муже, плохом полицейском, но тут верх взяло здравомыслие. Господи боже, речь ведь об оклендском детективе из убойного отдела! У него дорогой костюм, пушка и полицейский жетон. Этот парень, как убедился Шанс, везде как дома, он знает, как устроен мир, как делаются дела, и как они не делаются. Человека вроде Ди он просто уничтожит, возможно не физически, не в драке, но уничтожит все равно, а заодно с ним и Шанса, растопчет ботинками и даже не споткнется.

– Да полгорода таких, – сказал он, сводя все к шутке. – Как дела с моей медью?

Ди, казалось, был несколько разочарован. Он продолжил разговор с куда меньшим энтузиазмом:

– Дайте мне немного времени найти то, что нужно. От силы день-два, и я смогу начать. Неделя где-то на все про все уйдет.

И тут появился Карл Аллан и спросил:

– Неужели к нам доктор пришел?

Он стоял в дверном проеме, ведущем в мастерскую Ди, с одутловатым лицом, распухшим носом и темными полумесяцами под глазами, щегольская соломенная шляпа в стиле хипстеров за пятьдесят сдвинута на затылок, не скрывая выглядывающие из-под нее белые бинты. Старик опирался на деревянную трость с вычурным серебряным набалдашником.

– Мне показалось, я слышу ваш голос, – сказал он. Он смотрел на Шанса и старательно улыбался.

Тот немедленно вскочил:

– Боже мой, что случилось?

Карл отмахнулся:

– Не повезло немного. И глазом моргнуть не успеете, как я буду в полном порядке. – Прежде чем Шанс успел что-то вставить, он продолжил: – Рад видеть, что вы привезли мебель. Я уже поговорил с двумя покупателями, которые могут ею заинтересоваться.

Интересно, подумал Шанс, их интересуют копии или оригиналы? И кто эти потенциальные покупатели, частные лица или дилеры? Наверное, лучше уточнить. Но ведь он уже привез гарнитуры. Курс выбран, и, посмотрев на себя в этом переулке как бы со стороны, Шанс впервые в своей жизни, всегда отличавшейся верностью законам, почувствовал себя соучастником преступления. А потом он вдруг на мгновение ощутил необъяснимую радость и еще раз посмотрел на своих подельников: один с целый Техас размером, булькая, высасывал через соломинку последние капли диетической колы, второй, тощий, в вискозной клетчатой куртке, стоял с перевязанной головой – отчаянные под стрехой²⁰.

– Если вы тут закончили, – сказал Карл, прерывая его грезы, – пройдем в дом. Нужно заполнить кое-какие документы.

– Документы? – спросил Шанс. Он не был уверен, что ему нравится, как это прозвучало.

– Мы хотим документально оформить мебель, – сказал ему Карл. – Нам нужна ваша подпись.

Перспективы что-то подписать оказалось достаточно, чтобы заглушить внезапный восторг. Официальные бумаги сразу вызвали призраки адвокатов и судов, которые, в отличие от фантазий, весьма реальны и принадлежат к реальной жизни. Ди выбрал этот миг, чтобы еще раз булькнуть через трубочку. Бог мой, подумал внезапно Шанс, что я наделал? Очевидно, это та самая неспособность мыслить здраво, о которой предупреждал отец. Все провалится. Это же очевидно. Его поймают. И к уже существующим искам добавятся новые. Жизнь окончательно превратится в дерьмо.

---

²⁰ Намек на песню Уоррена Зивона «Отчаянный под стрехой». В жизни автора был эпизод, когда он тайком выбирался из гостиницы под стрехой крыши, чтобы не платить за номер.

– Вы, молодежь, беседуйте дальше, – сказал Карл, – когда созреете, я буду тут. – Он неуверенно развернулся в проходе и ушел, тяжело опираясь на трость.

– И что с ним случилось. – не в силах скрыть отчаяние, спросил Шанс Ди.

– Пацан отделал.

– Пацан, которого я тут видел? Кожаные штаны, остроносые ботинки?

– Наверно.

– А он что, не один?

Ди рассмеялся:

– Думаю, вы поняли, у старика к ним слабость, но полагаю, да, это сделал тот, которого вы видели, он, мать его, фаворит месяца. Пацан денег хотел. Карл сказал «нет». Пацан и два его дружка пришли сюда, отхерачили Карла и сперли кое-что из вещей.

– Боже. – Шанс пересел на ступеньку выше. – Что они взяли? – Он представил себе, что произошло бы, если бы его мебель оказалась тут на неделю раньше, и как все могло бы обернуться, если бы они вернулись, чтобы прихватить чего-нибудь еще.

– Пару антикварных стульев и немного денег из стола...

– Он обратился в полицию?

– Он обратился ко мне. И что меня особенно расстраивает – они ведь явились, когда меня тут не было, и, думаю, специально все так и спланировали. Этот гондон мелкий знает его привычки. И мои, думаю, тоже. С этим дерьмом надо поосторожнее.

– С каким дерьмом? – спросил Шанс. – Не уверен, что улавливаю.

Ди поглядел на него:

– С *привычками*. На том же месте, в тот же час. Это все равно, что с мишенью на спине расхаживать.

Шанс подумал, что Ди понес что-то странное, неприятное, похожее на то, о чем говорили некоторые его пациенты, страдающие параноидальным бредом. Он оставил свои наблюдения при себе и кивнул, словно соглашаясь с тем, что это весьма здравая позиция.

Ди махнул в сторону здания за их спинами:

– Все барахло снова тут – вот что я хотел сказать.

– Барахло, которое украли?

Ди кивнул.

– Вы его забрали?

– Его и еще кое-что.

Шанс ждал.

– Надо же, чтобы все как-то окупилось.

Шанс потряс головой, представляя, что это может означать.

– Вас послушать, так все легко прошло.

– Довольно легко.

– Они не были вооружены? Не пытались защищаться?

Ди пожал плечами:

– Пацан меня знает. – Сняв с диетической колы пластмассовую крышечку, он заглянул в стакан, видимо желая убедиться, что там ничего не осталось. – Один из его дружков решил, что может попытаться счастья с бейсбольной битой.

Шанс громко рассмеялся. Он подумал о водителе «БМВ», потом о детективе Блэкстоуне, развлекаясь фантазиями.

– Не самая лучшая идея, что-то мне подсказывает.

– Ему следовало бы ограничиться бейсболом.

– И что потом?

Ди встал на ноги, зашвырнув оставшийся от ленча мусор в стоявшую поблизости урну.

– Потом он ушел, – прежним будничным тоном сказал он.

Шанс подождал, не добавит ли Ди еще что-нибудь, но тот, казалось, закончил и теперь пялился на урну, будто увидел в ней что-то интересное.

– Когда вы говорите, что он ушел... – начал Шанс, но оборвал себя.

Он подумал, что сейчас, кажется, лучше не задавать вопросов, иначе можно получить ответы. И что, вообще говоря, *он* знал?

В конце концов Шанс подписал документы и уехал. Забавно, думал он, снова оказавшись на улице, которая казалась теперь удивительно мирной из-за странного отсутствия празднующихся юнцов, как эти короткие посещения магазина старой мебели могут заставить под новым углом посмотреть на жизнь. Пройдя по городским улицам, он вернулся в свой офис и обнаружил в приемной Жаклин Блэкстоун, задумчиво смотревшую на облака за окном. На носу у нее была серебряная шина, синяки под глазами, не в пример кровоподтекам старого антиквара, выщвели, а сами глаза, как он впервые заметил, были редкого, прекрасного золотисто-коричневого, почти желтого оттенка. Прямо как у кошки, подумалось ему.

Консультация

Шанс делил офис на Полк-стрит с тремя другими докторами: Салком, Марксом и Хейгом. Джейкоб Салк был психиатром, специалистом по манипуляциям сознанием, культам, промыванию мозгов и неправомерному воздействию. Давид Маркс – психоневрологом, которого Шанс знал еще по университету. Как и Шанс, он был мужем и отцом. Правда, в отличие от Шанса, разводиться не собирался. И наконец, Леонард Хейг. Сорокапятилетний Хейг, самый преуспевающий среди них, невролог с личным состоянием, который специализировался на услугах для крупных страховых компаний. Недавно он приобрел дом на юге Франции. По слухам, был замечательным теннисистом и удачливым сердцеедом. Не считая нескольких случаев, когда Шанс и Хейг в качестве экспертов противостояли друг другу в суде, они почти не разговаривали между собой. Тем не менее именно Хейг предупредил Шанса о приходе Жаклин Блэкстоун.

– Я только что направил к вам в приемную пациентку, – сказал он.

Они стояли в коридоре перед черно-белой фотографией определенно невменяемой старухи, сидящей в крошечной комнатухе без окон. В комнатухе было пусто, как в тюремной камере, если не считать вереницы бумажных куколок, неизвестно за какой надобностью подвешенных над почти лысой головой женщины.

Шанс лишь поднял брови. Ему показалось крайне необычным, что Хейг не счел ниже своего достоинства кого-либо куда-либо направить.

– Она по ошибке зашла ко мне, – сказал ему Хейг. – Я попытался ее удержать, но какого черта? Она хотела к вам.

– Ну... полагаю, тогда я должен вас поблагодарить, – проговорил Шанс.

– Или, по крайней мере, оказать мне ту же любезность. – Хейг склонился к изображению невменяемой старухи, в котором Шанс опознал работу их главного парковщика Жана-Батиста Марсо.

Жан-Батист приехал из Парижа и студентом изучал антропологию и медицину. Полученная в возрасте двадцати четырех лет травма головы с образованием рубца в задней части лобной доли головного мозга сделала из него страдающего судорогами эпилептика вроде святого Павла, в результате чего он оставил академическую учебу ради менее исхоженных дорожек. Одним из его увлечений стала фотография, и через сорок с лишним лет после несчастного случая у него собралась внушительная коллекция портретов надменных помешанных индивидов в различных стадиях физического и психического упадка, которыми он периодически норовил украсить стены здания.

– Опять он за свое, – сказал Хейг, имея в виду снимок. – Думаю, может быть, на этот раз *вы* сможете с ним поговорить?

Новая работа вызвала у Шанса сомнения. С одной стороны, портрет по непонятным ему самому причинам заинтриговал его. С другой – от него хотелось повеситься. Что касается самого Жана-Батиста, тут Шанс не колебался: он считал его одним из скрытых сокровищ города, эдаким странствующим святым, посвятившим себя поиску сюжетов и вещей с пока еще не выявленной ценностью. Он в одиночестве жил в крошечной полуподвальной квартирке, полученной вместе с работой благодаря договоренности с хозяйкой здания, древней, сказочно богатой китайкой; что конкретно их связывало, было неясно, хотя Шанс подозревал, что тут не обошлось без некой формы нелегальной психотерапии, с применением медикаментов или без такового, особенно если учесть, что Жан-Батист, не имея соответствующих документов, то и дело принимал пациентов, склонных к путешествиям в астрале и беседам с мертвыми. Но даже гипотеза Шанса была совершенным домыслом, договоренность явно существовала, и

любые попытки некоторых арендаторов избавиться от француза кончались плохо. Его защищали сверху.

Но странные снимки были лишь частью проблемы. Когда дело доходило до парковки автомобилей, Жан-Батист не делал разницы между последними моделями «порше», «бимеров», «мерседесов», «рендж роверов» и «ауди», наводнявшими подземную стоянку, и «Олдсмобилем Катласс» 1989 года, на котором теперь ездил Шанс. (У жены остался «лексус», а свой «олдс» он нашел на Крейгслисте ²¹). В то время как другие парковщики почти единодушно стремились припрятать эту скрипучую развалюху подальше, Жан-Батист ставил ее на самые соблазнительные места. Этот акт милосердия давал некоторым, в том числе и Хейгу, повод подозревать Шанса и француза в каком-то особом союзнчестве.

– У него эти штучки в духе Дианы Арбус ²² достигли новых высот. Или, наоборот, глубин, – продолжил Хейг. – У нас пациенты в окна повыскакивают.

Шанс разглядывал изображение сумасшедшей. Хотя за месяцы, прошедшие с появления Жана-Батиста в подвале их бизнес-центра, и особенно из-за собственного развода, Шанс начал даже получать удовольствие от примеров деятельности чужой расторможенной психики – такое сильное, что не признался бы в нем своим более профессиональным коллегам, – верным также было и то, что Жан-Батист являлся вещью в себе и от чужого влияния зависел не больше чем погода, да и радостей в жизни Шанса в последнее время осталось так мало, что он старался получить их где только мог.

– Не знаю, – сказал он, устремив глаза на женщину, – мне вроде как нравится.

Хейг лишь взглянул на него.

– Что-то есть в этих куколках. В смысле просто подумайте об этом, – и он снова направился к своему кабинету.

– Ну и хер тогда с вами, – крикнул Хейг ему вслед. – Вот *она* придет опять... и оставлю ее у себя.

Шанс отмахнулся.

– Может, это *тебя* нужно познакомить с Большим Ди, – сказал он, отойдя подальше, чтобы его не услышали, и снова погрузившись в фантазии. – Темной ночью в темном переулке. Да, и захвати бейсбольную битку.

Он увидел *ее* со спины сквозь одну из располагавшихся по бокам от двери прямоугольных стеклянных панелей. На ней были ботинки, джинсы и длинный серый свитер. Она смотрела в окно, и его снова, как в книжном магазине, удивили ее рост и осанка. Непонятно, как она умудрилась спрятать их в свой первый визит, за туфлями на плоской подошве, безвкусным платьем и скучной прической.

Когда он вошел, она обернулась, выставив на обозрение шину на носу и синяки. Люси, молодая женщина, которая работала у Шанса офис-менеджером и секретарем, бросила на него ведьмачий взгляд из-за своей стойки. У нее был как раз подходящий для этого рост – ровно пять футов. Иногда, глядя на Люси через комнату, можно было увидеть лишь голову от макушки до глаз. Рыжеволосая, она носила очки в роговой оправе вроде тех, что когда-то так нравились Бадди Холли. Кожа ее была молочно-белой, чистой, словно свежесвыпавший снег, если не считать татуировки на всю руку, экстремальной, но искусно выполненной по мотивам поздних работ Дали, с тающими часами и змеями в саду. Татуировка исчезала под одеждой, но, похоже, рукавом дело не ограничивалось, хотя Шанс и не знал, что там. Под нижней губой Люси сиял маленький серебряный лабрет. Одеваться она предпочитала в винтажные наряды из секонд-хендов и «Конверсы», но умело их сочетала. Прежде чем найти себя в качестве

---

²¹ Сайт объявлений, существует с 1995 года.

²² Известный американский фотограф середины XX века.

студентки кафедры психологии университета Беркли, она изучала искусство в Хантер-колледже Нью-Йорка. Люси была даже довольно сексапильна на свой, богемно-наркоманский лад. Наверно, поэтому он ее и нанял. Нет, конечно, были и другие причины, но ему нравилось видеть, как она сидит за большой изогнутой стойкой и приветствует заходящих в кабинет пациентов. По схожим причинам люди держат дома экзотических птиц. Ее многоцветие наполняло помещение.

– Вас ожидают Дженкинсы, – сказала Люси. Она произнесла это с чувством, косясь на избитую Жаклин. – Я сказала миссис Блэкстоун, что ей следует записаться на другое время.

– Все нормально, – сказал Шанс, – я разберусь.

– Дженкинсы ждут уже полчаса.

– Пожалуйста, скажи им, что я приму их буквально через минуту.

Люси смотрела на него ровно столько, сколько понадобилось, чтобы продемонстрировать неодобрение, а потом сделала, что ей велели.

Шанс пересек помещение и подошел к Жаклин. Синие круги залегли под ее желтыми кошачьими глазами.

– У меня сейчас прием, – сказал он.

– Мне уйти?

– Я имел в виду, что это, возможно, займет какое-то время.

Она смотрела в окно, словно стараясь справиться с чувствами.

Дженкинсы были семейной парой с двумя маленькими детьми. Ральфу Дженкинсу было тридцать девять лет. Прошло два года с тех пор, как ему сделали вторую трепанацию черепа с последующей радиотерапией из-за злокачественной опухоли головного мозга. После операции у него начались трудности с подбором слов и ухудшилась моторика правой руки. Шанс порекомендовал как логопеда для восстановления речи, так и психотерапевта, чтобы помочь решить психологические проблемы, возникшие в результате рака мозга. Все это произошло в начале года. На прошлой неделе Дженкинсы записались на повторный прием. Шанс догадывался о причинах, но точно уверен не был. Скорее всего, прием займет где-нибудь от часа до двух. С тех пор как Шанс обзавелся частной практикой, он всегда старался уделять своим пациентам побольше времени. Зачастую те находились в плачевном состоянии. Были растерянными, испуганными, озлобленными. Вселенная поторапливала их на выход. Им совершенно не требовалось, чтобы он поступил так же.

– Сколько у вас времени? – спросил он у Жаклин.

Он знал, что Люси наблюдает за ними со своего поста в приемной.

– До вечера. Простите, что я явилась вот так...

Он поднял руку:

– Ничего страшного. Здесь ждать скучно. Внизу, в конце квартала, есть маленькое кафе. Почему бы вам не подождать там, за чашкой кофе? – Он бросил взгляд на столик в приемной.

– Возьмите журнал. Я смогу присоединиться к вам через час или около того. – Посмотрел на часы. Начало первого. – К четырем я должен буду забрать дочь, но у нас будет время поговорить.

Она взгляну ему прямо в глаза:

– Вы очень добры. – Ее пальцы тербли пуговки на свитере. Шанс заметил, что кожа вокруг ногтей больших пальцев ободрана, словно она ковыряла ее или обкусывала. – Если мне придется уйти, я позвоню вам в офис. Но постараюсь дождаться.

– Было бы хорошо.

– Спасибо. Я не знаю. – Кажется, она хотела сказать что-то еще, но потом оборвала себя. – Извините. Мне жаль, что так вышло, правда. Но спасибо вам. – Не обращая внимания на журнал, она направилась к двери и вышла из кабинета.

– Даже не начинай, – сказал он Люси, когда шел за Дженкинсами. – Ты понятия не имеешь, через что она прошла.

– Может, и не имею, но она налетела на меня как человек, который знает, как добиться своего. Видели бы вы, как она изображала из себя маленькую потерявшуюся девочку с вашим дружкой, доктором Хейгом.

– Едва ли он мой дружок.

– А она не потерялась. Я в том смысле, что она уже тут бывала.

– И *после этого* получила довольно серьезное сотрясение мозга. С чего это ты вдруг стала такой недоброй?

Люси проигнорировала его вопрос.

– Встреча в кафе, – сказала она. – Выходит, вы ее на халяву примете?

– Поверь, – сказал ей Шанс, – это самое меньшее, что я могу сделать.

Встреча с Дженкинсами продлилась больше часа, но Жаклин ждала его в кафе, в это время почти пустовавшее. От входа вниз вела коротенькая лестница с выложенными плиткой ступенями, поэтому окна были почти на одном уровне с тротуаром и колесами проезжающих машин. Жаклин выбрала столик в глубине зала, подальше от окон. По дороге Шанс заказал кофе и присоединился к ней в ее темноватом уголке.

– Как ваш пациент? – спросила она.

Он рассказал о Ральфе.

– Так он умирает?

– Может быть, у него есть полгода.

– Господи Иисусе! Что вы им сказали?

– Правду. Предложил консультации, группы поддержки, хоспис. – По улице прогрохотал вагон фуникулера. – Это не всегда так мрачно, как может показаться, – сказал он. – Порой наблюдаешь... иногда, с некоторыми людьми... как все наносное куда-то отваливается. Они начинают видеть, что важно, а что нет. И возникает такое ощущение... относительно некоторых из них... что они на самом деле впервые начинают жить. – Ему хотелось верить, что так оно и есть.

Жаклин кивнула, но ничего не сказала.

– За окном раздался взрыв, полыхнул белый свет ядерного холокоста. Вам остается пять секунд. Что вы сделаете?

Она смотрела на улицу. Там был лишь тусклый свет туманного дня.

– Не знаю, – сказала она и посмотрела на Шанса. – А вы?

Он потянулся через стол и взял ее за руку:

– Вот что. Может, ничего другого не остается. Знаете, держащихся за руки людей находили везде, от Помпеи до башен-близнецов Всемирного торгового центра. Все мы умрем. Имеет значение лишь то, что мы делаем в отпущенное нам время.

Ее глаза наполнились слезами.

– Вы хороший врач, – сказала она.

– Люди хотят чудес. Иногда единственное чудо – это когда я беру вашу руку. Это и есть чудо.

Прошло мгновение. Она снова обрела самообладание.

– Что мне делать? – спросила она его.

– Думаю, вам надо начать с правды.

– Он убьет меня. Сказал, что убьет, и я ему верю.

– Сейчас мы говорим о вашем муже, а не о неизвестном человеке, пробравшемся к вам в дом? Я просто для ясности уточняю.

Она кивнула, мол, так и есть.

– Вас избил ваш муж.

Она улыбнулась, словно намекая на наивность его вопроса.

– Он не стал бы. Не стал бы сам пачкать руки.

– Но он *сделал* это? Вы именно это пытаетесь мне сказать? Важно, чтобы тут между нами не было неясностей.

Она пожала плечами и отвернулась.

– Вы когда-нибудь говорили с адвокатом? Или другим полицейским? Есть адвокаты, которые специализируются по делам об угрозах...

– Я говорю с вами.

– Но сейчас, когда вы действительно пострадали...

– Думаете, это в первый раз? Слушайте, я *знаю*, что к чему. Чего не знаете вы, чего никто не знает... о том, какой он умный. Он разбирается в законах. А еще он сумасшедший. В конце концов он меня достанет. Такой уж он. Знает людей. Может сесть в тюрьму и все равно добиться своего. – Ее голос в первый раз сорвался. – Он знает, как дела делаются, – шепнула она. – Он знает, как сделать, чтобы Жаклин исчезла.

– Теперь вы заговорили о себе в третьем лице, – сказал Шанс. – Я сейчас что, с Джекки разговариваю?

– Нет. Я не знаю. Плевать мне на Джекки. – Она помедлила, потом сказала: – У меня есть дочь.

Шанс замер. Ни в одном из документов, относящихся к ее делу, не было никаких упоминаний о ребенке. И в их первоначальной беседе о детях тоже речи не шло. Он некоторое время внимательно изучал ее в тусклом свете кафе.

А Жаклин Блэкстоун разглядывала свои руки.

– Это его ребенок?

Она покачала головой.

– Мне было семнадцать. Мы с ее отцом никогда не были женаты. – Она заколебалась, но продолжила: – Я отдала ее на удочерение. Мы снова стали видеться два года назад. Она учится в школе при университете. Реймонд платит за ее обучение.

– Реймонд – это ваш муж. – Он понял, что впервые слышит, как Жаклин произносит это имя. Она знаком дала понять, что да. – Почему вы ничего не сказали об этом у меня на приеме?

– Наверно, я больше всего боялась тогда, что мои симптомы вызваны неврологией.

Шанс сначала хотел сказать, что он – не только психиатр, но и сертифицированный невролог, и что для объективной оценки симптоматики нужно знать все без исключения факты, относящиеся к делу. Но, поразмыслив, счел, что в сложившихся обстоятельствах покажется излишне сварливым, решив оставить эту тему в покое хотя бы до поры до времени.

– Как я понимаю, – сказал он наконец, – вы убеждены, что ваша дочь тоже в опасности.

– Он так сказал.

Шанс считал себя не понаслышке знакомым с теми махинациями, которыми люди творят архитектуру собственных тюрем, казематов, откуда, из подвальных окон, лишь изредка доносятся крик узника. Будто Гудини, мы конструируем машинерию собственных ловушек, и в конце концов нам приходится либо вырваться из них, либо умереть. Погрязнув в связанных с разводом правовых и финансовых трудностях, Шанс обнаружил, что не является исключением из общего правила, хотя в его случае речь шла скорее об образной смерти, чем о буквальной, особенно если сравнивать с Жаклин Блэкстоун.

– Кроме *предусмотренной законом* помощи, – после очередной долгой паузы сказал Шанс, – не знаю что вам и предложить. Вы продолжаете работать с Дженис?

– Он запретил. Мне непросто было прийти сюда. Это опасно для меня. – Ее глаза внимательно осматривали помещение. – И для вас тоже. Может быть, я подвергаю вас риску. Мне следовало подумать об этом.

Второй раз за день все предстало перед Шансом в новом свете.

– Часто угрозы сильно отличаются от реальных поступков людей, – сказал он, но все же заметил, что его пульс участился.

– Верно, – ответила она.

– Послушайте, – сказал он, – это нелегко, я понимаю. Чем вы рискнете, чтобы вновь стать хозяйкой собственной жизни? Рискнете возможностью потерять эту самую жизнь? И речь не только о вас. Вашу дочь тоже следует учитывать. Я не могу сказать, как вам поступить. Я по-прежнему думаю о консультации с кем-нибудь, более сведущим в законах... Меня часто приглашают в суд в качестве эксперта. Эти дела редко бывают уголовными, но я знаком с несколькими адвокатами. Могу навести справки. Кроме того...

Внезапно она потянулась через стол и взяла его за руку.

– Может, все так, как вы говорили, – сказала она. – Может, нужно только вот это. Может, ради этого я и пришла.

Это движение поразило его. Его рука была в ее руке, а он сидел и рассматривал Жаклин в слабом предвечернем свете. Боже, думал он, на эти скулы можно посадить самолет, и удивлялся, как же в их первую встречу умудрился столько всего не заметить. Она притянула его ладонь к себе и сжала, обручальное кольцо, которое она все еще носила, впилось ему в пальцы. Он представил, будто смотрит на них со стороны. Представил, кем они могут показаться в этот миг. Представил, что это смотрит на них плохой коп. Нужно тщательнее следить за тем, как выглядишь, подумал он на манер своего отца, однако его рука осталась там же, где была. Он чувствовал, как бьется пульс на ее таком теплом запястье, касающемся основания его ладони. Чувствовал, как берет за горло страсть.

Интервент

Они снова расстались на тротуаре посреди большого города, и он снова смотрел, как она удаляется, но происшествие в кафе выбило его из колеи. Сейчас он более обычного уязвим для некоторых вещей, потому что его личная и финансовая жизнь находится в тотальном и безоговорочным беспорядке в отсутствие женского общества. Стресс не способствует ясному мышлению, а человек нуждается в том, чтобы осознавать происходящее. Это все равно, что разгуливать с треклятой мишенью на треклятой спине, заключил он и на десять минут опоздал к дочери в школу.

Школа располагалась рядом с яхтенным причалом и выходила окнами на залив. Подходя к кораллового цвета зданию, Шанс обнаружил, что ветер крепчает, вихрь под пролетом моста Золотые Ворота, залив покрылся барашками, а вдалеке виднеется Алькатрас. При виде этой старой тюрьмы Шанс сразу подумал о полицейских, которые пошли по кривой дорожке, и серо-стальных глазах детектива Блэкстоуна.

Дочь, Николь, в одиночестве ждала его под деревом. Заметив его машину, она пошла навстречу, будто осужденная, двумя руками прижимая к груди блокнот. Так она давала понять, что жена сообщила ей о смене школы. Шанс мог только представить, в какой форме Карла подала эту новость. Николь открыла дверь машины и села. Девочка недавно плакала. Они постояли минутку, мимо ехали автомобили, ветер с залива швырял в лобовое стекло мелкие капли. Дочь явно решила стойчески переносить невзгоды.

– Прости, Никки, – сказал наконец Шанс. – Если бы можно было найти другой способ...
– Как насчет того, чтобы остаться с мамой?

Шанс вздохнул. Он считал дурным тоном рассказывать, что именно мама все затеяла, и тем самым возложить на нее вину, хотя, в сущности, развод действительно был идеей Карлы. Интересно, подумал он, неужели Николь до сих пор не знала о тренере-дислексике, и решил, что возможно все.

– Тут все непросто, Николь. Ты можешь не знать всех деталей, но наверняка понимаешь, что тут все непросто.

Дочь закусил губу и уставилась в окно.

– Я знаю, как ты любишь «Хэвенвуд». Но *есть же* и другие хорошие школы...
– «Марина Саут» отстой.

Так называлась государственная школа неподалеку от дома, где они раньше жили.

– Да, – сказал Шанс, – «Марина Саут» действительно отстой. Я все проверил, изучил вопрос и знаю это. Но я сейчас говорю о том, что хорошие школы есть на другой стороне залива, в Беркли.

– Мы живем не в Беркли.

– Это сейчас мы живем не в Беркли. Но я присматриваюсь к тем местам. Если я найду где-то там квартиру...

– Найди лучше квартиру где-то здесь.

Казалось, она беседует с деревьями за окном и с той самой минуты, как села в автомобиль, очень старается не смотреть на Шанса. Он накрыл рукой ее ладошку и сказал:

– Николь, – потом дождался, когда дочь на него посмотрит. – Это тяжело. Это тяжело для каждого из нас. Но в жизни иногда так бывает. И я хочу, чтобы ты знала, что я делаю для тебя все, что могу, и всегда буду делать. Я очень тебя люблю.

На ее глаза опять навернулись слезы, и она отвернулась.

– Я знаю. – Голосок звучал слабо.

Неестественно слабо, мог бы подумать кто-то посторонний, но Шанс знал, что она искренна и в своей боли, и в своем стоицизме.

– Мы со всем справимся, – сказал он ей. – Все решим. Вот увидишь.

Она кивнула. Шанс слегка сжал ее ладонь, и дочь ответила тем же.

– Я знаю, – опять сказала она еще тише, чем раньше.

Шанс выпустил ее руку и переключил передачу. Он всем сердцем тянулся к ней. Мир, каким она его знала, разрушался прямо у нее на глазах. Он где-то читал, что семья – это оружие горя, и вот настали времена, когда, похоже, так оно и было, и Шанс еще раз взглянул на казавшуюся призрачной старую тюрьму на продуваемой всеми ветрами скале.

Он высадил дочь возле своего бывшего дома, посмотрел за тем, как она вошла внутрь. На углу участка послеполуденный ветер трепал выставленный риелтором транспарант. Оттуда Шанс снова поехал прямо к себе в офис. Тут все уже было закрыто. Он прошел знакомыми лестницами и коридорами, открыл свой кабинет и некоторое время рылся в бумагах, пока не нашел карточку Жаклин Блэкстоун. Среди всего прочего в ней был опросник, который она заполнила во время своего первого посещения, с ее нынешним адресом и номером телефона. Забрав карточку, Шанс ушел, обменявшись любезностями с охранником в холле здания, с полным ощущением того, что избежал возмездия за какой-то проступок.

Вечером он в одиночестве сидел у себя в квартире. Это уже становилось нормой. Он думал закончить заключение по доку Билли, ведь орегонский родственник торопил, и ожидалось, что дело до конца лета поступит в суд, но никак не мог собраться с силами. Вместо этого Шанс сидел со ставшей уже традиционной бутылкой вина, смотрел, как за окном на улице клубится туман, и размышлял над проблемами Жаклин Блэкстоун.

Если, невзирая на паранойю женщины, все-таки принять на веру ее слова, ситуация больше походила на лабиринт, в котором на каждом повороте упираешься в тупик. В своем первоначальном отчете он не мог не отметить, что она принимает нейрореплептики – кто-то прописал ей трилафон. Тогда он оставил комментарий: *«От употребления допамин-блокатора перфеназина у больной возможен побочный эффект в виде акатизии»*²³. Сейчас замечание предстало в новом свете. Тогда его беспокоило, что акатизию могут ошибочно принять за повышение тревожности, в результате увеличат дозу блокаторов допамина и только ухудшат ситуацию (во всяком случае, в том, что касается тревожности и паранойи), усилив тот самый страх, который ей нужно преодолеть, чтобы освободиться от мужа-хищника. Но потом он навещал ее в больнице. Сотрясение мозга вовсе не было фантазией. Как и сломанная кость вместе с защемленной мышцей. Не исключено, что она постоянно подвергалась насилию. На протяжении своей жизни он каждый день видел таких людей – сломленных созданий, кружащихся на карусели когнитивной и медикаментозной терапии, страдающих потерей памяти и галлюцинациями. В конце концов, благодаря им он зарабатывал на жизнь. Он еще раз открыл карточку Жаклин, перечитывая записи, сделанные после ее первого посещения. *«Я считаю важным, – отмечал он тогда, – чтобы отвергаемый аспект ее натуры был проработан и в идеале интегрирован в основную личность»*. Итак, она постаралась, следуя его совету, это сделать и в качестве вознаграждения получила койку в отделении травматологии и медицинские счета, которые теперь будут преследовать ее долгие годы.

Потом на глаза Шансу попался один фрагмент: *«Нельзя исключать, что в ее отношениях с мужем присутствуют черты мазохизма»*. Это могло быть и правдой. Но она решила прекратить отношения всего после недели психотерапии. Больным тут был муж. Шанс сам стал кивался с этим монстром и оказался не на высоте. Он еще раз подумал о том, как она пришла

---

²³ Синдром, характеризующийся постоянным стремлением к движению и дрожью в мышцах.

на первый прием и почти без эмоций описала раскол собственной личности. Жизнь редко, заключил он, подкидывает ему такие сюжеты. Достаточно сказать, что большинство людей, которых он видел во время своей практики, объединяло то, что они уже добрались до точки, из которой нет возврата. А Жаклин и, раз уж на то пошло, Мариэлла Франко и еще буквально несколько людей будили в нем веру, что время еще есть, что та или иная форма вмешательства все еще возможна. И хотя в основном, за исключением одного-единственного случая, все его чувства на этом благополучно заканчивались, Жаклин Блэкстоун влекла его куда-то глубже. Возможно, сыграло роль ее появление у него в кабинете, биение ее пульса, которое он чувствовал своей ладонью, потому что... вопреки обычной сдержанности, сомнениям, у него начал формироваться настоящий, и даже в чем-то вполне реальный план действий. Его следовало бы обдумать поутру, просто для уверенности, но Шанс был слегка навеселе и горел желанием поделиться своей идеей. И к тому же у него был ее телефон. Она ответила после второго гудка.

– Мы можем поговорить? – спросил Шанс.

ДЖОЛЛИ

Бернард Джолли, девятнадцать лет, белый, правша, до своего недавнего ареста и взятия под стражу проживал в доме Аманды Джолли, тетки по материнской линии, в южном Сан-Франциско. Его родители не были женаты, и он утверждает, что никогда не знал отца. Мать бросила его, когда ему было шесть лет, с тех пор он жил с ее сестрой, которую теперь описывает как сумасшедшую жирную женщину. На момент первой беседы уже три года страдал от посттравматического синдрома (последствия перелома основания черепа и внутримозговой гематомы, полученных в результате ДТП, когда его, ехавшего на велосипеде, сбил автомобиль). Сообщает, что ДТП произошло на углу станции «Джуда и Сансет», и последнее его воспоминание – случайно замеченный красный грузовой пикап с мексиканцем-садовником за рулем, неожиданно возникший слева. Был обнаружен на месте происшествия и доставлен в пункт оказания первой помощи при университете, где при осмотре очнулся, оставаясь в помраченном сознании.

После госпитализации гемокрит ²⁴ упал с сорока пяти почти до двадцати, и была выявлена забрюшинная гематома. Пациент был стабилизирован двумя

единицами эритроцитарной массы. Повторная компьютерная томограмма показала уменьшение отека мозга, кровоизлияние в левой височной доле и небольшую эпидуральную гематому в правом полушарии.

Поскольку у пациента держалась температура, был начат курс ванкомицина и цефтизоксима от предполагаемого бактериального менингита. Температура спала, и на четырнадцатый день пребывания в больнице больной был в состоянии взаимодействовать с докторами. Выписан два дня спустя.

Пациент заявляет, что с момента выписки подвержен зрительным и обонятельным галлюцинациям. Наиболее частая зрительная галлюцинация – сбивший пациента мексиканец-садовник (при этом мистера Джолли поставили в известность об отъезде последнего из страны). До недавнего ареста пациент неоднократно преследовал посторонних людей и вступал с ними в контакт, принимая их за того мексиканца. Наиболее серьезный инцидент произошел, когда он, будучи за рулем автомобиля, умышленно сбил пешехода, приняв его за мексиканца. Пешеход выжил, однако получил серьезные ранения. Арестованный на месте происшествия мистер Джолли провел четыре месяца в психиатрической больнице штата. Обонятельные галлюцинации включают в себя запахи сена, ладана, марихуаны и «запахи всяких существ».

Семья Джолли попала к нему не по одному из обычных каналов. На самом деле, Шанс сам их нашел. В деле Жаклин Блэкстоун, заключил он, им нужен хотя бы один друг, занимающий выгодное положение. Именно с этой целью он позвонил в прокуратуру Окленда и вызвался без гонорара провести одну-другую психиатрическую экспертизу. Так он решил затесаться в ведомство. Пусть Жаклин и не до конца убедила Шанса в том, что ее муж почти всеведущ, избиения и его собственной последующей встречи с этим человеком было достаточно, чтобы

²⁴ Объем красных кровяных телец в крови.

принять меры предосторожности. Такому нельзя предъявить обвинения просто так, с налета. Слишком многое стоит на кону. Он поговорил с адвокатом, который специализировался на делах, связанных с угрозами и насилием. Последовательность событий всегда была одной и той же. Человек подает судебную жалобу. Человек получает запретительное постановление. В общем, решительный или безумный хищник всегда мог достать свою добычу. А закон достанет его только потом, когда будет поздно. К тому же Жаклин утверждает, что Реймонд не из тех, кто станет сам пачкать руки... и что он может *устроить* так, чтобы дело было сделано.

– Так что же, он продажный? – недавно спросил ее Шанс.

Она тихо засмеялась в ответ, словно какой-то понятной лишь своим шутке.

– Он всякий, – сказала она ему.

Что ж, может, и так, и, может, это и есть решение. Если Шанс сможет завести знакомства в прокуратуре, возможно, найдется способ сообщить, что в их среду затесался «плохой коп». Может, именно так проще всего достать Реймонда Блэкстоуна, поймать его на чем-то еще, чтобы Жаклин с дочерью остались в стороне, потому что тот, кто плох в одном, будет плох и в другом. Поймали же Аль Капоне на уклонении от уплаты налогов! От Блэкстоуна нужно было избавиться. Как именно, значения не имело. Процесс мог затянуться, поэтому столь же важно было изобрести способ, при помощи которого Жаклин сможет продолжать психотерапию. Именно с этой целью он оторвался от написания отчета по Берни Джолли, мелкого преступника, теперь обвинявшегося в изнасиловании двенадцатилетней девочки, и пешком отправился на встречу с Дженис Сильвер в кафе на Маркет-стрит, неподалеку от магазина Аллана и мебели самого Шанса.

По сравнению с последней прогулкой в эту часть города, атмосфера тут несколько улучшилась, хотя до сих пор там и тут еще попадались прохожие в хирургических масках. В последнее время Шанс стал без особой причины считать их. Дженис сидела за одним из уличных столиков под небольшим платаном.

– Я беру тебя в союзники, – сказал он, устраиваясь напротив.

– Да уж вижу.

Она была миниатюрной женщиной средних лет с одеждой и манерами как у многих калифорнийских лесбиянок, хотя, строго говоря, даже после многолетнего знакомства ее сексуальная ориентация оставалось для него тайной. Они познакомились, когда работали в больнице при университете, и с тех самых пор дружили. За эти годы она стала для него чем-то вроде психотерапевта и одним из немногих людей, которому он мог доверить некоторые аспекты своего прошлого.

Их телефонный разговор был коротким. Он не сказал ей почти ничего, кроме причины предстоящей встречи. Она смахнула пепел, упавший возле тарелки с печеньем. Мимо по улице проехал мотоциклист в маске.

– Глупо было тут встречаться? – Вопрос исходил от Шанса.

– Не знаю. А что, глупо?

– Ну, я имею в виду, на улице. Уже несколько недель прошло.

– Да, я знаю и понятия не имею, почему так. Говорят, надо избегать физических нагрузок. Не думаю, что это считается. – Она посмотрела в небо. – Будем ждать дождя. А теперь расскажи мне про свой план. По телефону ты говорил загадками.

Шанс посмотрел, как велосипедист исчезает в дымке, заказал официантке ледяной чай и переключился на сидящую перед ним женщину, отметив, что с их последней встречи у нее в волосах прибавилось седины. Ну, подумал он, она вроде меня. Время летит, когда тебе хорошо.

– У нее нет шансов, – сказал он наконец. – Пока в ее жизни присутствует этот мужчина, нет.

– И все же она остается здесь, в *его* городе.

- Она говорит, что он найдет ее, если она уедет.
- И ты в это веришь?
- Мы уже видели, на что он способен.
- Да, – сказала она, – видели.
- И потом, она не должна уезжать. Ее жизнь тут. Ты знаешь, что у нее есть дочь?
- Да, она мне сказала.

Шанс считал это хорошим признаком, который хоть как-то развеял опасения из-за признания Жаклин в кафе. Дженис ждала, когда он продолжит.

- Ей нужны две вещи, – сказал Шанс.
- Всего две?
- Ей нужно в какой-то форме продолжить терапию, и ей нужен друг.
- Похоже, один друг у нее уже есть.
- Эй, ну хватит. Я думал, мы на одной стороне.

– Если ты о том, что мы оба считаем парня, за которым она замужем, чудовищем, а еще считаем, что у нее должен быть шанс проработать бардак в собственной голове и разобраться с ним, то да, мы на одной стороне. Но мне думается, тут есть нечто еще. Разреши, я перефразирую. Я боюсь, что тут может быть нечто еще. Почему бы тебе не развеять мои страхи?

Он рассказал ей о своих попытках стать своим в оклендской прокуратуре и о теории нужных знакомств. Она молчала дольше, чем ему бы хотелось.

– Ты меня разыгрываешь? – спросила она наконец. – Я имею в виду, если все, что она говорит, правда... то он узнает, что ты где-то там ошиваешься.

– Это огромный департамент. Я буду иметь дело непосредственно с прокуратурой. Блэкстоун не может знать о каждой мелочи, которая там происходит. К тому же он детектив убийного отдела. А от меня требуются характеристики и оценки по поводу завещательной дееспособности. Дела там самые разнообразные. Среди них может и не оказаться связанных с убийствами.

– Так ты уже начал!

– Пока я лишь сделал один телефонный звонок да отправил пару писем по электронной почте, пара часов на все про все. Они там не то чтобы тонут в экспертизах.

Он рассказал о первом деле, для которого требовалось его освидетельствование, о деле Бернарда Джолли.

– Бедный мальчик, – сказала она.

Он решил, что она имеет в виду не его, а Бернарда.

– Ну, – наконец протянула Дженис, – как знаешь. Только не говори потом, что я тебя не предупреждала. *Меня* сильнее беспокоит то, насколько ты во все это *впутался*. Мне кажется, все это нелучший вариант для вас обоих.

Она была из тех, кто говорит без обиняков, и ему это в ней нравилось, но все же он был настроен задиристо.

– Конечно, – сказал он. – *Впутался* – дурное слово. Подразумевает, что кому-то надерут задницу.

– Я имею в виду другое, и тебе это ясно.

– Дженис, все очень просто: либо мы что-то предпринимаем, либо нет.

Повисла пауза. Она смотрела на улицу.

– Итак... ты собираешься найти ей друга. В первую очередь.

– Жаклин – репетитор, преподает математику детям в возрасте Никки. Я думаю, что мог бы приглашать ее к себе. Ты бы тоже приходила, и вы продолжали бы терапию.

– Она рассказала тебе, как нашла свою дочь?

Шанса удивил этот вопрос.

– Она сказала только, что они снова стали видаться.

– Ее нашел муж. То есть, прости, коп.

Шанс ничего не ответил.

– Это было закрытое дело. Отдавая ребенка на удочерение, она подписала согласие никогда не пытаться вступить с ним в контакт.

– Ей было семнадцать лет.

– Да, и тогда закрытые дела такого типа случались чаще, чем сейчас. И еще... ты знаешь, как она познакомилась со своим копом? Ее преследовал один мужик, видимо, из тех, с кем она встречалась раньше. Она вызвала полицию. Догадываешься, кто приехал?

– Она не первая женщина, сменившая одного абьюзера на другого.

– Может, тут речь скорее о спасителе. Когда один мужчина спасает ее от другого. Может, она добивается именно этого, сознательно или подсознательно.

– Может, тут-то и появляется Джекки Блэк.

– Если угодно. Ты когда-нибудь встречал ее, эту Джекки Блэк?

– Насколько мне известно, нет.

– Это звучит неубедительно, но я тоже с нею не встречалась, а многие скажут, что ты не можешь диагностировать подлинное раздвоение личности, не вступив при этом в контакт с по меньшей мере одним альтер эго.

– Так ты сомневаешься в ее истории?

– Я пока не знаю. Она непростая. И история у нее нетипичная... старовата она для развития диссоциативного расстройства личности, если, конечно, это действительно оно. И, конечно, если ты на самом деле намерен влезть в это дело, то вполне возможно, есть и другие... личности, о существовании которых она даже не знает, более ранние стратегии поведения, возникшие в результате насилия, которые пока еще не вылезли на свет божий.

– Ну, есть в ней еще сколько-то личностей или нет, не могу представить, чтобы какая-то из них мечтала получать колотушки и дальше.

– Думаю, это зависит от того, насколько она больна.

Шанс ничего не сказал.

Дженис немного смягчилась:

– Я на ее стороне, Элдон. Ты же знаешь. Она мне нравится. Я думаю, она яркая женщина, которая может однажды стать цельной. Или не стать. У нее тяжелое прошлое, и она выработала, я бы сказала, опасную стратегию преодоления трудностей. Но я чувствовала, что мы с ней добивались успехов. Разозлилась, когда она очутилась в больнице, и ты об этом знаешь, я ведь тебе позвонила, чтобы спустить пар. И конечно, я думала, что неплохо бы тебе на нее взглянуть, убедиться, что в этом зверинце, который почему-то называется больницей, ничего не упустили. Но я никогда бы не попросила тебя впутаться в то, что ты сейчас затеваешь. – Она немного поколебалась, потом продолжила: – Ну вот, я снова употребила это твое бранное слово. Но все-таки считаю, что оно тут уместно. Я не попросила бы о таком никого на свете, а уж тебя в особенности. В самом начале, отправляя ее к психотерапевту, ты не ошибся. Ты правильно сделал, что выбрал врача-женщину.

Шанс молчал, наблюдая, как солнце выползает из-за многоэтажки на востоке: в воздухе еще висело немало пепла, чтобы свет был ближе к красному краю спектра, к тем апокалиптическим оттенкам, к которым он не только привык, но даже наслаждался ими.

– Я встречался с ее мужем. Я говорил тебе об этом?

– Нет, не говорил. Ну и какой он?

– Жуткий – вот какой. Нелегко будет оставить ее на его милость.

– Да, – сказала она, – представляю себе. И кое-что еще представляю. Представляю, на что она делает ставку.

– Она не будет общаться со мной. Только с тобой.

– В твоей квартире.

– Суть не в том, чтобы найти ей ученицу и не устраивать уроки в моей квартире. Суть в том, чтобы придумать прикрытия для ваших встреч. Может, предложить ей? Может, у нее у самой кто-то есть на примете?

– Не знаю, Элдон. Правда не знаю. Я должна подумать об этом.

– Мы снова пришли к тому, что должны выбрать одно из двух, – сказал ей Шанс. – Мы принимаем чрезвычайные меры в чрезвычайной ситуации. Мы либо вмешиваемся, либо бездействуем и надеемся на лучшее. Думаю, мы оба знаем, чем это окончится.

Дженис вздохнула и посмотрела на улицу.

– Это значит да или нет? – спросил Шанс.

Чек и замерзшее озеро

В конце концов оказалось, что все-таки да, с оговорками, правда, ну так у кого их нет? И от мысли проводить психотерапию в квартире Шанса определенно следовало отказаться.

– Я спрошу ее сегодня, – сказал Шанс.

– Не сомневаюсь, что спросишь, – заметила Дженис и, уже вставая, добавила, что, как правило, возражает против подобных уловок.

– Мы закончили? – спросил Шанс.

Она ушла, ничего больше не сказав.

Шанс позвонил со своего мобильного прямо из кафе.

– Это не самый подходящий номер, – сказала ему Жаклин Блэкстоун. – Дайте мне пять минут, и я перезвоню.

Его телефон зазвонил через десять.

– Хорошо, – сказал он, – кажется, я кое-что придумал. – В ту ночь, когда он ей позвонил, они поговорили совсем коротко. Шанс упомянул, что у него есть план, но в детали не вдавался и попросил, чтобы она дала ему пару дней. – Вам удобно говорить?

– В смысле сейчас?

– Сейчас, потом, в любое подходящее для вас время.

Некоторое время в трубке было тихо, только что-то пощелкивало фоном, да на заднем плане из радиоприемника звучала музыка.

– Я сейчас на работе, – сказала она. Радио замолкло. – Сегодня вечером в кампусе будет лекция. Я собираюсь пойти. Это на математическом факультете. Один из аспирантов прочтет лекцию «Аксиома выбора». – В трубке опять помолчали. – Может, вы хотите? – Она не закончила свой вопрос.

Судя по ее голосу и по тому, как она сформулировала приглашение, оно далось ей не без труда, Шанс сразу вспомнил о ее уязвимости, а потом об изысканной форме ее руки, сжимающейся и разжимающейся на небесно-голубом одеяле, когда он сидел возле нее в мрачной палате, и город был до самого горизонта окутан мглой.

– Боюсь, я не смогу ее оценить, – сказал Шанс не без некоторого сожаления. Он не рассчитывал, что она попросит о встрече. Она ничего не сказала сразу, и Шанс ждал с телефоном у уха. По улице шел поток транспорта. – Недалеко от кампуса, на Шаттак-авеню есть небольшой тайский ресторанчик, – неожиданно сказал он. – Вы его знаете?

Это был странный момент – как расколотый, словно он одновременно говорил и слушал собственные слова.

– Мы могли бы потом там встретиться? – Ее голос стал тихим, почти превратившись в шепот.

– Могли бы.

– В семь?

– В семь.

Разговор закончился.

Шанс заплатил по счету и пошел вниз по Маркет-стрит, эйфория в нем боролась с опасениями; что может быть лучше тайной встречи, чтобы события дня пошли по новому руслу? Он думал о Жаклин и думал о лекции, на которую она его пригласила. «Аксиома выбора». Подходит ситуации, как ничто иное. Чтобы успокоить нервы, он решил навестить свою мебель.

Войдя, он услышал, как Карл говорит по телефону. Старик в темно-коричневом костюме и блестящем желтом галстуке расхаживал между платяным шкафом, относящимся к позднему

французскому модернизму, и скульптурным кофейным столиком японского дизайна. Одно-сторонний разговор был невнятным, но оживленным, старик, все еще в бинтах, оттопыривал палец на ногу на манер яркого самодовольного петуха, его свободная рука дирижировала невидимым оркестром. Заметив присутствие Шанса, Карл прервался ровно настолько, чтобы движением все той же руки и мимикой направить посетителя в дальнюю часть здания. Во всяком случае, Шанс решил интерпретировать сложную комбинацию кивков, улыбок и поднимающихся бровей именно так. Мимоходом он подумал, что либо старику вскружил голову восторг от возможного появления в его жизни нового кожаного парнишки, либо он просто под стимуляторами.

Шанс двинулся вглубь магазина. Он задержался у рабочего окошка Ди, но не смог увидеть через него свою мебель. Шум снаружи привел его к задней двери с видом на переулок, где Ди сражался с новым радиатором к «студебеккеру» 1950 года. Модель «Старлайт купе», если быть точнее.

– Что с Карлом? – спросил Шанс, выходя из магазина. – Новый бойфренд?

– Как вы догадались?

– У него, как говорится, влюбленный вид.

Ди кивнул и поднатужился. Радиатор встал на место. Ди схватил тряпицу и вытер об нее руки.

– Слыхали о замерзшем озере?

– Не уверен, что понимаю, о чем вы.

– Значит, не слыхали. Это когда хочешь чего-то так сильно, что пойдешь за ним даже на середину замерзшего озера.

– Туда, где самый тонкий лед.

– Только об этом даже не думаешь. Все остальные думают, а ты – нет. Только не ты. Я узнал об этом в «Рейнджерах». Допустим, тусуюсь я со своими парнями, и кто-то говорит мне: «Братан, да ты на замерзшем озере». И это значит, я должен остановиться и подумать, что творю... Мне надо остановиться, так как другой видит что-то, чего не вижу я. И пусть мы дома, я запал на жену своего приятеля, и он на это среагировал. Да что угодно. У каждого свое замерзшее озеро. В бою... если ты нашел озеро противника, считай, уделал его. Старику нравятся его кожаные пареньки.

– А ему вы напоминали об этом? О замерзшем озере?

Ди обреченно вздохнул:

– Тысячу раз. Только что с ним поделаешь? Этот кретин стар как мир.

Шанс улыбнулся, хотя думал о замерзших озерах, и отнюдь не в связи со стариком. Он разглядывал «студебеккер», сверкающий, лимонно-желтый. Остроносый спереди и сзади, тот напоминал лодку.

– «Старлайт купе», – сказал Шанс, – у моей бабушки был точно такой же.

– Реально. – Ди то ли заинтересовался, то ли просто сделал вид.

Шанс подозревал второй вариант, но все равно решил дать себе волю. Этот автомобиль был машиной времени.

– Когда я был маленький, то думал, что эти купе выглядят как НЛО. И вот что мы с бабушкой как-то сделали: поехали на распродажу военного имущества и купили старый противогаз. Потом бабушка подпирала багажник палкой, чтобы он не закрывался, и разъезжала туда-сюда, а я сидел там в противогазе и стрелял из пластмассового ружья.

– Повезло, что ей никто не въехал в жопу.

– Она была где-то четыре с половиной фута ростом, еле над рулем торчала. Автомобиль был весь во вмятинах. Это был вроде «Дестракшн Дерби».

– А вы, значит, сидели в багажнике.

– С огромной радостью, – сказал Шанс.

Ди принялся затягивать болты, закрепляя радиатор.

– Карл тоже водит неважно, – он кивнул на магазин. – Видели стикер на бампере: «Тор-мону из-за галлюцинаций»?

– Так это его «студебеккер»?

– Отхватил на какой-то распродаже имущества. А я вот теперь для него чиню... Сгодится на что-нибудь.

Эти слова напомнили Шансу, зачем он, собственно, пришел, и он спросил о своей мебели.

– Ушла, – сказал Ди.

Шанс усомнился, не ослышался ли он, и переспросил:

– Ушла?

– Вчера. Думал, вы потому и здесь.

Как раз в этот момент старик появился у задней двери. Бинты все так же выглядывали из-под полей его шляпы, но припухлость вокруг глаз спала. Шарф, изящно наброшенный ему на шею, идеально гармонировал со «Старлайт купе».

– Молодой человек, – нараспев произнес Карл. Он смотрел прямо на Шанса, и его улыбка сияла золотым зубом. – Скрасит ли ваш день чек на сумму восемьдесят тысяч долларов?

В ресторане «Тайская хижина»

Перед тем как мебель покинула магазин, Карл сфотографировал ее, приклеил фотографии к черной бумаге, а потом поместил их в черную картонную папку, которую сейчас держал Шанс. Он думал после посещения мастерской вернуться к себе в офис, к Берни Джолли. Отчет следовало представить к концу недели, и нужно было еще подготовиться к даче показаний. Но продажа мебели выбила его из колеи, и предвечерние часы он встретил за пивом в прибрежной части города с видом на залив и Окленд. Чек на восемьдесят тысяч долларов от «Старинной мебели Аллана» он положил в свою банковскую ячейку. Учитывая проблемы с налоговой, казалось разумным проконсультироваться с адвокатом, перед тем как внести деньги на счет. Но это только половина дела, и не из-за этого на Шанса накатывали волны головокружения, учащенного сердцебиения и потливости. Их причиной стал сам чек. Его гарнитур продали как оригинал.

– Но я думал, мы так и договорились, – сказал Карл, удивленный его порывом отказаться от чека. – *Поэтому-то* мы и сделали всю работу.

В общем, так оно и было, но разве Шанс не полагал, что ему предоставят некую последнюю возможность пересмотреть свою позицию, когда придет время, и покупатель будет найден? Гарнитур ушел мистеру Владимиру из Сан-Франциско за сто тысяч долларов, из которых Карл удержал двадцать тысяч как плату за работу Ди и свои собственные комиссионные.

– Таковы условия сделки, – добавил старик. – Ди вы нравитесь. Мне тоже. И мы знаем, что творится у вас в жизни.

Конечно, качество работы Ди сомнений не вызывало. Так же, как и Карл, Шанс готов был заплатить ему по справедливости, его тревожило другое. За неимением лучшего термина он решил думать об этом как о темной стороне вещей.

– Я думал, вы сильнее обрадуетесь, – сказал тогда Карл.

Что ему оставалось после такого, кроме как поблагодарить и откланяться?

Потом он вернулся к себе в офис ровно на то время, которое понадобилось, чтобы отпустить Люси на всю вторую половину дня. Он собирался оставить там и папку, но обнаружил, что вновь и вновь пересматривает фотографии, желая лишний раз убедиться: его вещи действительно выглядит в точности как те, из книжек, у которых на месте все детали.

– Владимир? – Это было последнее, что спросил Шанс, перед тем как уйти из мастерской. – Так он русский, что ли?

Все с каждой минутой усложнялось. Шанс думал о статье, которую прочел в «Кроникл», где упоминалось о русской банде в Сан-Франциско. Но Карл лишь хмыкнул и покачал головой:

– Ваш товар выглядит потрясающе, мой юный друг. Мистер Владимир очень богат. И теперь он очень счастлив. Возможно, этот гарнитур не уйдет из его семьи еще лет сто, так что вам следовало бы тоже быть счастливым.

Шанс согласился попытаться. Он положил папку перед собой на стойку бара и сидел, снова и снова заглядывая в нее в бледном свете, льющемся сквозь высокие окна с видом на мост через залив и Окленд, но счастье все так же ускользало. Исхлестанные недавним ветром, лежащие меж двумя городами воды казались серыми и зловещими, обожженные горы, по большей части, скрывались за густым туманом, окутавшим окрестности, как окутывает бинт сочащуюся кровью рану, но Шанс знал, что скрывается под его покровом: лишенные деревьев склоны и вершины, похожие на скелет останки. Он понимал, что к чему, а русский быстро все узнает, если обман вскрыется. И тогда навряд ли покупатель хорошо отнесется к их махинациям.

К тому времени, как Шанс покинул бар ради еще одного сомнительного начинания, туман превратился в легкую дымку. Он подумал, что еще не слишком поздно позвонить и все отменить. Папку с фотографиями прижимал к ноге, чтобы снимки не повредил влажный воздух. Вечер казался необычно суетным, а горожане – раздраженными. Но, возможно, дело было в нем самом. По пути к метро у Пауэлл-стрит Шанс увидел, как какая-то бродяжка справляет большую нужду в телефонной будке. Бродяжка была темнокожая и безнадежно толстая, а телефонная будка – старого образца, Шанс до сих пор считал, что таких уже не существует. Эту, казалось, привели в порядок, сделав сияющим артефактом ушедших времен, и, тем не менее, кабы не это гротескное представление, он мог бы пройти мимо, не заметив ее. Несчастная женщина заняла всю будку целиком, ее громадные ягоды прижались к стеклу, словно бы соперничая размером с морскими слонами или, возможно, плодами воображения Лавкрафта, когда она задирала подол малинового платья выше широченных бедер. Всякий мог понять, что грядет. Люди отводили глаза, ускоряли шаги. Некоторые практически бежали. Это было ужасно. Шанс не стал исключением. Оно обнаружилось у входа в метро: прислонившийся к выложенной плиткой стене худой, как палка, человек неопределенного возраста, тощие руки все в татуировках, как у моряка, если не бродяга, то уж точно обитатель какой-нибудь ночлежки; Шанс пролетел мимо достаточно близко и заметил, что, прежде чем встретиться с ним взглядом, мужчина с величайшим интересом наблюдал за кошмарной сценой в телефонной будке. Взглянув Шансу прямо в глаза, мужчина удостоил его сияющей, опаленной солнцем ухмылкой пьянчуги со стажем.

– Мужик, это жуть, – сказал он, кренясь в сторону будки.

– История уже идет за этой империей, – ответил ему Шанс.

Человек протянул ему руку, но Шанс прошел мимо. Проказа не была в этом городе чем-то неслыханным, равно как и новые, устойчивые к антибиотикам штаммы туберкулеза, самые вирулентные из которых, как говорят, являются продуктом российской пенитенциарной системы.

Шанс побаивался землетрясений, и ездить под заливом не любил, это чувство лишь усилилось из-за краткой, но раздражающей задержки на станции Пауэлл-стрит. Свет мигнул, погас, потом снова зажегся. Пассажиры обменялись взглядами. По громкой связи передали сопровождаемое помехами, невнятное объявление, разобрать которое было невозможно. Шанс, всегда слегка подверженный клаустрофобии, отреагировал соответственно. Основной чертой панической атаки, в соответствии со «Справочником по диагностике и статистике психических расстройств», является дискретный период сильного страха в отсутствие реальной опасности, сопровождающийся как минимум четырьмя из тринадцати соматических и когнитивных симптомов. Учитывая, что в Области Залива²⁵ находилось в лучшем случае три крупных и десятки мелких геологических разломов, а после предыдущего катастрофического проявления сейсмической активности прошли годы, Шанс был склонен классифицировать текущий эпизод как отчасти ситуативный, его сопровождали лишь два соматических и один когнитивный симптом, и, следовательно, до клинически диагностируемого он не дотягивал. Тем не менее к моменту прибытия в Рокридж Шанс чувствовал себя не слишком хорошо.

Шанс всегда верил, что проблемы отступают перед разумом, если только подойти к ним с незамутненным взором и открытым сердцем. Его ранило, когда он видел, как мучается живая душа. Радовало, когда считал, что нашел выход. И, честно говоря, ему нравилось представлять себя рыцарем Жаклин Блэкстоун, хотя он прекрасно понимал, как не преминула бы заметить

---

²⁵ Урбанизированная зона вокруг залива Сан-Франциско, объединяющая несколько городов, экономически тесно связанных между собой.

Дженис Сильвер и как на самом деле и было, что ступил на почву, опасную даже для человека, не имеющего такого прошлого, как у Шанса, и его пристрастий.

Дело в том, что продажа мебели в ее необратимости заставила его взглянуть по-новому на некие нюансы своего недавнего поведения. Он вдруг стал куда менее уверен в себе, чем всего несколько часов назад, покидая офис перед встречей с Дженис. Возможно, думал он, еще не поздно все исправить, заставить идти своим чередом. Сама мысль об этом вроде бы заставила его дух воспрянуть, и он решил именно так и поступить. *Все*, что он делал до настоящего момента, касающееся хоть Жаклин, хоть «Старинной мебели Аллана», было своего рода помрачением ума. Но теперь туман рассеялся. Предстоящая встреча станет краткой и деловой. Никаких больше странных желаний. И это только начало. Он начал думать о том, как бы исправить все и с русским тоже. В конце концов, деньги еще не потрачены. Он не станет подставлять Карла или Ди, объяснит, что сам все затеял. Этот русский купил мебель именно в том виде, в каком Шанс привез ее в магазин. Он, Шанс, единственный, кто знает ее тайную историю. Он, и только он. Но *сейчас*, когда гарнитур уже продан, он взял и понял, что это неправильно. Или – тут Шанс был не прочь оставить для себя лазейку – он мог заявить, что *сам* стал жертвой. И сам только сейчас узнал правду об этом гарнитуре. Так что их *всех* обманули. Ему позвонил какой-то аноним, да и вообще, какая разница, главное, истина открылась. Суть в том, что он предложит вернуть русскому его деньги, ну или хотя бы часть денег, если тот все-таки решит оставить себе гарнитур. Утром пойдет к Карлу. Все уладит. И с Жаклин все тоже уладит. Очень жаль, но план с прокуратурой не сработает. Дженис готова продолжить психотерапию, но со всем остальным Жаклин придется разбираться самостоятельно. Шанс сделал все, что мог, чтобы запустить процесс, но дальше этого он из этических соображений зайти не готов.

Можно вообразить, будто подобные колебания сопровождались чувством вины или, во всяком случае, мимолетными приступами чего-то похожего, особенно если учесть безрассудство, с которым Шанс еще недавно был готов отказаться от всех прежних планов и намерений. И хотя он не исключал появления подобных чувств в дальнейшем, сейчас, выходя из поезда и направляясь в Маркет-холл к кофейному магазину, – там продавали прекрасный сорт, к которому Шанс питал слабость, и именно поэтому всегда выбирал ветку Питтсбург – Бей-Пойнт вместо более прямого ричмондского поезда, – он ощущал лишь, что с его плеч упала огромная тяжесть. А с чувством вины жить можно. Ничего нового.

Он купил кофе в зернах, сдобные булочки к завтраку, собираясь поделиться ими с дочерью, и сел в такси возле станции метро. Машину вел сухонький чернокожий старик лет, пожалуй, восьмидесяти. Шанс решил, что водитель гаитянского происхождения, отчасти потому, что тот слушал странную религиозную программу, отдававшую сантерией²⁶ (оставалось загадкой, откуда она транслировалась и как вообще могла существовать). Возможно, ее записали на кассету или CD в каком-то более экзотическом месте, чем то, где они сейчас находились. Хотя времена сейчас стояли странные, небеса к вечеру слегка прояснились, последние длинные лучи света порой сверкали на почерневших горах и обгоревших строениях, напоминавших гнилые зубы, и, когда автомобиль подъезжал к кампусу, Шанс вдруг понял, что старик за рулем тихонько подпевает на иностранным языке доносящимся из динамика ритуальным песнопениям.

Ресторан остался в точности таким, каким Шанс его запомнил, маленьким и темным, декорированным бамбуком и расцвеченным разноцветными огоньками. Шанс пришел рано-вато. Возле окна с видом на усаженную деревьями улицу за кампусом расположились немногочисленные посетители, в основном студенты. Он прошел вглубь помещения, уселся в кабинке,

²⁶ Афро-карибская синкретическая религия.

отделанной темно-красным винилом, и заказал горячий чай. Он все еще представлял грядущие разговоры на тему его будущего и мебели, когда в зал вошел человек. Шанс не сразу разглядел его как следует. А когда разглядел, то понял, что это Реймонд Блэкстоун.

Детектив постоял минутку в проеме открывшейся на улицу двери. Потом заметил в кабинке Шанса, махнул официантке и направился прямо к доктору. К величайшему удивлению последнего, детектив Блэкстоун не сказал ничего, что можно было бы счесть приветствием, а просто сел напротив, в точности на то место, где, как полагал Шанс, должна бы сидеть Жаклин. Вначале детектив молчал, молчал и Шанс. На столе возле Блэкстоуна стоял столовый набор на одну персону и вторая чашка. Фонарики, свисавшие с провода над их головами, омывали обоих мужчин веселеньким розовым светом, в то время как вечер становился все темнее, и на улицу снова опустился легкий туман.

– Ждете кого-то? – спросил Реймонд. Он посмотрел на неиспользованную посуду и потом, прежде чем Шанс успел ответить, добавил оживленным приятным тоном: – Доктор Шанс, ведь верно?

Тот кивнул, не доверяя пока своему голосу.

– Мы встречались в больнице, – все в той же приятной манере продолжил Реймонд. – Вы навещали мою жену.

– Да, – сказал Шанс, – точно. Теперь я вас вспомнил.

– Теперь. Значит, не в тот момент, когда вы заметили, как я вошел. – Его тон не изменился, противореча издевательскому характеру вопроса.

– Вы показались мне знакомым. За день я встречаю множество людей. А это было, как я припоминаю, некоторое время назад.

– Хм. – Вот все, что сказал на это детектив Блэкстоун. Он перевернул стоявшую перед ним чашку и потянулся к чайнику. – Не возражаете? – спросил он и, не дожидаясь ответа, налил себе чая.

– Пожалуйста, – сказал Шанс, – не стесняйтесь.

Детектив кивнул, подливая и Шансу тоже.

– Спасибо, – сказал Шанс.

Это была нелепая реакция. Он не мог вообразить, что будет дальше. Подошла официантка, но Блэкстоун отослал ее жестом. Прошло некоторое время. На столе между ними лежала папка с фотографиями гарнитура. Реймонд Блэкстоун без церемоний придвинул ее к себе, раскрыл и просмотрел несколько снимков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.